

ПАМЯТНИКИ

ДРЕВНЕЙ ХРИСТИАНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

СОЧИНЕНІЯ ДРЕВНИХЪ ХРИСТИАНСКИХЪ АПОЛОГЕТОВЪ.

Приложеніе къ Православному Обозрѣнію.

ЕРМІЙ. МЕЛИТОНЪ. МИНУЦІЙ ФЕЛИКСЪ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К^о), на Страстномъ бульварѣ.

1866.

ЕРМІЙ ФИЛОСОФЪ

И ЕГО ОСМЪЯНІЕ

ЯЗЫЧЕСКИХЪ ФИЛОСОФОВЪ.

ОБЪ ЕРМІѢ, СОЧИНИТЕЛѢ

„ОСМѢЯНІЯ ЯЗЫЧЕСКИХЪ ФИЛСОФОВЪ“.

Подъ именемъ Ермія дошло до насъ на греческомъ языкѣ небольшое сочиненіе подъ заглавіемъ: «осмѣяніе языческихъ философовъ» (*διασυρμὸς τῶν ἕξω φιλοσόφων*). Кто былъ этотъ Ермія, гдѣ и въ какое время онъ жилъ, исторія не передаетъ намъ никакихъ извѣстій. Въ рукописныхъ кодексахъ его сочиненій дается ему названіе философа. По главной мысли своего сочиненія и приемамъ ея изложенія онъ близко подходитъ къ св. Іустину и особенно Татіану, такъ что въ его сочиненіи можно видѣть болѣе подробное раскрытіе слѣдующаго замѣчанія Татіана: «ты слѣдуешь ученію Платона? и вотъ эпикурейскій софистъ открыто возстаетъ на тебя. Опять, ты хочешь слѣдовать Аристотелю? и тебя ругаетъ какой-нибудь послѣдователь Демокрита» (*). Рѣзко полемическое отношеніе Ермія къ философіи языческой и взглядъ на ея происхождение напоминаетъ болѣе первыя времена горячей борьбы христіанскаго ученія съ язычествомъ, чѣмъ позднѣйшіе вѣка. По-

---

(*) Татіана «Рѣчь прот. Элин. гл. 25.

сему ученые издатели и изслѣдователи твореній древности большею частію и справедливѣе относятъ Ермія къ писателямъ апологетамъ втораго или начала 3-го столѣтія по Р. Х. (*).

Сочиненіе Ермія вполне соотвѣтствуетъ своему заглавію: не касаясь почти истинъ христіанства, онъ исключительно занимается различными системами языческой философіи и съ живымъ, остроумнымъ сарказмомъ представляетъ ихъ взаимное противорѣчіе и несостоятельность. Начиная словами апостола Павла: «премудрость міра сего есть глупость предъ Богомъ» (1 Кор. III, 19), авторъ отправляется отъ положенія, что языческая философія обязана своимъ происхожденіемъ падшимъ духамъ, и затѣмъ доказываетъ исторіей философскихъ системъ бесплодность ихъ попытокъ рѣшить важнѣйшіе вопросы человѣческаго духа, сопоставляя другъ другу главнѣйшихъ представителей древней философіи съ ихъ противорѣчивыми мнѣніями о душѣ человѣческой, о видимомъ мірѣ и о Богѣ.

Сочиненіе Ермія было издано въ первый разъ Раф. Зейлеромъ, съ его латинскимъ переводомъ, въ Базелѣ (1553 г.). Англичанинъ Вортъ издалъ его въ исправнѣйшемъ видѣ, съ своими примѣчаніями, въ Оксфордѣ (1700). Затѣмъ Мараново изданіе Іустина, въ которомъ помѣщено и сочиненіе Ермія, перепечатано въ VI томѣ греч. Патрологіи абб. Миня.

Свящ. Петръ Преображенскій.

(*) Таковы: Каве (*Historia litter. scriptorum eccles.*, vol. 1), Мёлеръ (*Patrol.* 1); также Маранъ, помѣстившій Ермія въ своемъ изданіи сочиненій св. Іустина.—Другіе же, напр. издатели «*Bibliotheca Patrum*» и англичанинъ Вортъ, относятъ сочиненіе Ермія къ V-му вѣку, а вѣнскій бібліотекаръ Ламбецій принимаетъ Ермія за одноименнаго ему историка Ермія Созомена,—но неосновательно.

ЕРМІЯ ФИЛОСОФА

ОСМЪЯНІЕ ЯЗЫЧЕСКИХЪ ФИЛОСОФОВЪ.

1. Блаженный апостоль Павелъ въ посланіи къ Коринѳянамъ, жителямъ сосѣдственнымъ съ страной Греціи, которую называютъ Лаконією, такъ возвѣщаетъ: «возлюбленные, премудрость міра сего есть глупость въ очахъ Божіихъ» (1), и это сказалъ онъ не мимо истины. Ибо, мнѣ кажется, премудрость эта получила начало отъ паденія ангеловъ, и отъ сего—то философы, излагая свои ученія, не согласны между собою ни въ словахъ, ни въ мысляхъ. Такъ одни изъ нихъ душу человѣческую признаютъ за огонь, какъ Демокритъ; другіе — за воздухъ, какъ стоики; иные за умъ, иные за движеніе, какъ Гераклитъ (2); другіе — за испареніе, другіе за силу, истекающую изъ звѣздъ, другіе за число одаренное силою движенія, какъ Пифагоръ; иные за воду раждающую, какъ Гиппонъ, иные за стихію изъ стихій, иные за гармонію, какъ

(1) 1 Коринѳ. III, 19.

(2) Думаютъ, что названія философовъ, здѣсь приводимыхъ, внесены въ текстъ переписчиками съ полей; по сему имя Гераклита поставлено не на мѣстѣ, ибо онъ почиталъ душу за испареніе (*αναθυμιασις*). См. Плутарха de placit. philos. IV, 3.

Дивархъ, иныя за кровь, какъ Критій, иныя за духъ, иныя за единицу, какъ Пиеагоръ; древніе также думаютъ различно. Сколько мнѣній объ этомъ предметѣ! сколько разсужденій философовъ и софистовъ, которые больше между собою спорятъ, чѣмъ находятъ истину!

2. Но пусть ~~были бы они несогласны~~ между собою относительно души,—по крайней мѣрѣ согласно учили о прочихъ предметахъ? Между тѣмъ, одинъ изъ нихъ признаетъ удовольствіе благомъ души, другой — зломъ, иной чѣмъ-то среднимъ между благомъ и зломъ. Далѣе, одни говорятъ, что природа души безсмертна, другіе, — что она смертна, третьи, что она существуетъ на короткое время; одни низводятъ ее въ состояніе животныхъ, другіе — разлагаютъ въ атомы; одни утверждаютъ, что она переходитъ въ тѣла трижды, другіе назначаютъ ей такое странствованіе въ продолженіе трехъ тысячъ лѣтъ: тѣ, которые сами не живутъ и ста лѣтъ, обѣщаютъ душѣ три тысячи лѣтъ существованія! Какъ назвать эти мнѣнія? Не химерою ли, какъ мнѣ кажется, или глупостию, или безуміемъ, или нелѣпостию, или всемъ этимъ вмѣстѣ? Если они нашли какую нибудь истину, то пусть бы они одинаково мыслили, или говорили согласно другъ съ другомъ: тогда и я охотно соглашусь съ ними. Но когда они разрываютъ, такъ—сказать, душу, превращаютъ ее—одинъ въ такое естество, другой въ другое, и подвергаютъ различнымъ преобразованіямъ вещественнымъ: признаюсь — такія превращенія поражаютъ во мнѣ отвращеніе. То я безсмертенъ, и радуюсь; то я смертенъ, и плачу; то разлагаютъ меня на атомы: я становлюсь водою, становлюсь воздухомъ, становлюсь огнемъ, то я не воздухъ и не огонь, но меня дѣлаютъ звѣремъ, или превращаютъ въ рыбу, и я дѣлаюсь братомъ

дельфиновъ. Смотри на себя, я прихожу въ ужасъ отъ своего тѣла, не знаю, какъ и назвать его, человѣкомъ ли, или собакой, или волкомъ, или быкомъ, или птицей, или змѣемъ, или дракономъ, или химерою. Тѣ любители мудрости превращаютъ меня во всякаго рода животныхъ, въ земныхъ, водныхъ, летающихъ, многовидныхъ, дикихъ или домашнихъ, нѣмыхъ или издающихъ звуки, безсловесныхъ или разумныхъ. Я плаваю, летаю, парю, въ воздухѣ, пресмыкаюсь, бѣгаю, сижу. Является наконецъ Эмпедоклъ, и дѣлаетъ изъ меня растеніе.

3. Если философы разнорѣчатъ такимъ образомъ въ ученіи о душѣ человѣка, тѣмъ болѣе они не могли сказать истину о богахъ или о мірѣ. Они такъ храбры, чтобы не сказать — тупы: не въ состояніи будучи постигнуть собственной души, изслѣдуютъ природу самихъ боговъ, и, не зная собственного тѣла, истощаются въ усиліяхъ познать естество міра. Относительно началъ природы они чрезвычайно разногласятъ другъ съ другомъ. Еслибъ я встрѣтился съ Анаксагоромъ, онъ сталъ бы учить меня вотъ чему: начало всѣхъ вещей есть умъ, онъ виновникъ и владыка всего; онъ безпорядочное приводитъ въ порядокъ, неподвижному даетъ движеніе, смѣшанное раздѣляетъ, нестройное устрояетъ. Такое ученіе Анаксагора нравится мнѣ и я вполне соглашаюсь съ его мыслями. Но противъ него возстаютъ Мелиссъ и Парменидъ: послѣдній въ поэтическихъ стихахъ возвѣщаетъ, что сущее есть единое, вѣчное, безпредѣльное, недвижимое и совершенно равное себѣ. Я опять, не знаю почему, соглашаюсь съ этимъ ученіемъ, и Парменидъ вытѣсняетъ изъ души моей Анаксагора. Когда же я воображаю, что утвердился въ своихъ мысляхъ, выступаетъ въ свою очередь Анак-

сименъ съ другою рѣчью: я тебѣ говорю, кричитъ онъ, что все есть воздухъ; если его сгустить и сжать, то образуется вода, а если разрѣдить и расширить, то — эфиръ и огонь; по возвращеніи въ свое естественное состояніе онъ становится чистымъ воздухомъ; а если будетъ сгущаться, то измѣняется. Я опять перехожу на сторону этого мнѣнія, и люблю уже Анаксимена.

4. Но возстаетъ противъ этого Эмпедоклъ съ грознымъ видомъ и изъ глубины Этны громко вопіетъ: начала всего — ненависть и любовь; послѣдняя соединяетъ, а первая раздѣляетъ, и отъ борьбы ихъ происходитъ все. По моему мнѣнію, они сходны между собою и несходны, безпредѣльны и имѣютъ предѣлъ, вѣчны и временны. Прекрасно, Эмпедоклъ: я иду за тобою до самаго жерла Этны. Но на другой сторонѣ стоитъ Протагоръ и удерживаетъ меня, говоря: предѣлъ и мѣра вещей есть человѣкъ; что подлежитъ чувствамъ, то дѣйствительно существуетъ, а что не подлежитъ имъ, того нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Прельщенный такою рѣчью Протагора, я въ восхищеніи отъ того, что онъ все, по крайней мѣрѣ наибольшую часть предоставляетъ человѣку. Но съ другой стороны Thalесъ предлагаетъ мнѣ истину, толкуя: начало всего есть вода, все образуется изъ влаги, и все превращается во влагу, самая земля плаваетъ на водѣ. Отъ чего бы не повѣрить мнѣ Thalесу, древнѣйшему изъ іонійскихъ философовъ? Но соотечественникъ его Анаксимандръ говоритъ, что прежде воды существуетъ вѣчное движеніе, и чрезъ него—одно возникаетъ, а другое разрушается. И такъ, надобно повѣрить Анаксимандру.

5. Съ другой стороны, не пользуется ли славою Архелай, который выдаетъ за начало всего теплоту и холодъ? Но съ

нимъ не согласенъ велерѣчивый Платонъ, утверждая, что начала всѣхъ вещей суть Богъ, матерія и идея. Теперь я ~~вовсе~~ **убѣжденъ**. Ибо могу ли не думать согласно съ философомъ, который сочинилъ колесницу для Юпитера? Но позади стоитъ ученикъ его Аристотель, завидующій учителю своему за созданіе колесницы. Этотъ указываетъ инья начала: одно дѣятельное, а другое страдательное; по его мнѣнію, начало дѣятельное, не подлежащее дѣйствію другихъ вещей, есть эфиръ, а начало страдательное имѣетъ четыре качества: сухость, влажность, теплоту и холодъ, и стъ взаимнаго превращенія ихъ происходитъ возникновеніе и уничтоженіе вещей. Я утомился уже, волнуемый мыслями туда и сюда. Остановлюсь на мнѣніи Аристотеля, и уже никакое другое ученіе не потревожитъ меня.

6. Но что дѣлать мнѣ? На мою душу нападаютъ старики, древнѣйшіе упомянутыхъ философовъ: Ферекидъ, который утверждаетъ, что начала всѣхъ вещей—Зевсъ, Хеонія и Кроносъ,—Зевсъ — эфиръ, Хеонія—земля, Кроносъ—время; что эфиръ начало дѣятельное, земля—страдательное, а время—то, въ чемъ происходитъ все. Но и эти старики спорятъ между собою. Левкиппъ почитаетъ все это глупостию, и утверждаетъ, что начала всѣхъ вещей безпредѣльны, вѣчно движимы, и чрезвычайно малы, и что тончайшія изъ нихъ поднявшись вверхъ, образуютъ огонь и воздухъ, а твердыя, спустившись внизъ, составляютъ воду и землю. Доколѣ же буду принимать такія ученія и ничему истинному не научаться? Развѣ освободить меня отъ заблужденія Демокритъ, открывающій, что начало всѣхъ вещей есть сущее и не сущее, что сущее есть полнота, а не сущее—пустота, и что полнота производитъ все въ пустотѣ посредствомъ или

превращенія, или фигуры. Пожалуй, я готовъ согласиться съ добрымъ Демокритомъ и вмѣстѣ съ нимъ смѣяться; но меня отвлекаетъ плачущій Гераклитъ, утверждая: начало всего, есть огонь, который имѣетъ два состоянія: разрѣшеніе и сгущеніе, первое—дѣятельное, второе—страдательное, то—соединяетъ, а это раздѣляетъ. Но, довольно уже для меня: мнѣ вскружили голову столько разныхъ началъ. Но вотъ еще Эпикуръ приглашаетъ меня не пренебрегать его прекраснаго ученія объ атомахъ и пустотѣ, такъ какъ все происходитъ и уничтожается отъ многообразнаго и многообразнаго соединенія ихъ.

7. Не противорѣчу тебѣ, прекраснѣйшій Эпикуръ. Но надъ твоимъ ученіемъ смѣется Клеанъ, поднимая голову изъ колодезя. Я почерпаю изъ него истинныя начала всѣхъ вещей,— Бога и матерію, и утверждаю, что земля превращается въ воду, а вода въ воздухъ, что воздухъ поднимается вверхъ, а огонь находится въ окружности земли, что по всему міру распростерта душа, часть коей одушевляетъ и насъ. Не смотря на многочисленность этихъ философовъ, другая толпа ихъ прибываетъ ко мнѣ изъ Ливіи: Карнеадъ и Клитомахъ и всѣ ихъ послѣдователи; попирая ученія всѣхъ прочихъ философовъ, они сами утверждаютъ, что природа вещей непостижима, и что къ истинѣ всегда примѣшивается вѣкоторая ложь. Что же мнѣ дѣлать послѣ столь долгихъ утомительныхъ изслѣдованій? Какъ освободить умъ мой отъ такого множества мнѣній? Если ни что не можетъ быть постигнуто, то истина удалена отъ людей, а пресловутая философія болѣе гоняется за тѣнью, нежели обладаетъ знаніемъ вещей.

8. Но вотъ другіе философы древняго поколѣнія,—Пифагоръ и единоплеменники его, важные и молчаливые, пера-

даютъ мнѣ, какъ въкоторыя таинства, иныя ученія, вмѣстѣ съ главнымъ и таинственнымъ ихъ доказательствомъ: «самъ сказалъ». Начало всѣхъ вещей есть единица; изъ нея разнообразныхъ формъ и чиселъ происходятъ стихіи; число же, форма и мѣра стихій таковы: огонь составляется изъ двадцати четырехъ прямоугольныхъ треугольниковъ, и заключается въ четырехъ равныхъ сторонахъ, изъ коихъ каждая состоитъ изъ шести прямоугольныхъ треугольниковъ, такъ что онъ уподобляется пирамидѣ; воздухъ составляется изъ сорока восьми прямыхъ треугольниковъ, и заключается въ восьми равныхъ сторонахъ; его сравниваютъ съ осмигранною фигурой, которая содержитъ восемь равностороннихъ треугольниковъ, изъ коихъ каждый раздѣляется на шесть прямыхъ угловъ; такимъ образомъ всего сорокъ восемь угловъ; вода составляется изъ ста двадцати треугольниковъ, и сравниваютъ ее съ фигурой о двадцати граняхъ, состоящей изъ ста двадцати равныхъ и равностороннихъ треугольниковъ; эфиръ составляется изъ двѣнадцати равностороннихъ пятиугольниковъ и похожъ на двѣнадцатигранникъ, состоящій изъ ста—двадцати треугольниковъ; земля составляется изъ сорока восьми треугольниковъ и заключается въ шести равностороннихъ четырехугольникахъ, и имѣетъ видъ куба: ибо кубъ состоитъ изъ шести четвероугольниковъ, изъ коихъ каждый имѣетъ четыре треугольника, такъ что всѣхъ треугольниковъ вмѣстѣ двадцать четыре.

9. Такъ измѣряетъ міръ Пифагоръ! Я снова вдохновенный презираю домъ, отечество, жену, дѣтей и ни о чемъ болѣе не забочусь, возношусь въ самый эфиръ, и, взявъ у Пифагора лакоть, начинаю мѣрить огонь. Измѣренія Зевсера уже недостаточно. Если не вознесется на небо та-

кое важное существо, великое тѣло и великая душа, то—
есть я, и не измѣрить ээира, то проподеть владыче—
ство Зевса! Измѣривъ же ээиръ и сообщивъ Зевсу свѣдѣ—
ніе о томъ, сколько угловъ имѣеть огонь, я схожу съ неба
и ѣмъ оливы, смоквы, огородныя овощи, потомъ перехожу
къ водѣ, и ее, влажную стихію, начинаю измѣрять лактемъ,
пальцемъ и полупальцемъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и глубину ея,
чтобъ и Посидонъ узналъ отъ меня, какъ велико море, надъ
которымъ онъ владычествуетъ. Я и землю всю обхожу въ
одинъ день, изслѣдуя ея число, мѣру и фигуру: ибо вполне
увѣренъ, что отъ столь великаго и чуднаго существа, ка—
ковъ я, не ускользнетъ и одна пядень вселенной. Кромѣ
того, я узнаю даже и сколько звѣздъ на небѣ, и сколько
рыбъ въ водѣ, и сколько звѣрей на землѣ, и положивъ міръ
на вѣсы, легко могу узнать, сколько въ немъ вѣсу. Напы—
щенная знаніемъ такихъ вещей, душа моя какъ бы сдѣла—
лась владычицею всего міра.

10. Но Эпикуръ наклонившись ко мнѣ говоритъ: ты, другъ
мой, измѣрилъ только одинъ міръ, между тѣмъ міровъ много,
и всѣ они безпредѣльны. Вслѣдствіе этого, я вынужденъ
говорить о множествѣ небесъ, о множествѣ различныхъ ээи—
ровъ, и, запасшись нужнымъ продовольствіемъ на нѣсколько
дней, ни мало не медля начинаю странствовать по мірамъ
Эпикура: легко перелетаю предѣлы Фетисы и Океана, и, при—
бывъ въ новый міръ, какъ бы въ другое государство, въ
нѣсколько дней измѣряю все. Откуда я снова переношусь въ
третій міръ, потомъ въ четвертый, въ пятый, въ десятый,
сотый, тысячный, и куда наконецъ? Все это мракъ невѣже—
ства, черный обманъ, нескончаемое заблужденіе, неполное
разумніе, непроницаемое невѣдніе: остается, чтобъ я со—

считалъ самыя атомы, изъ которыхъ образовалось такое множество міровъ, дабы ничего не опустить въ своемъ изслѣдованіи, особенно же столь необходимыхъ и полезныхъ вещей, отъ которыхъ зависитъ благосостояніе домовъ и городовъ.

Все это я высказалъ съ тою цѣлю, чтобы видно было, какъ философы противорѣчатъ другъ другу въ мнѣніяхъ, какъ изслѣдованія ихъ теряются въ безконечности, ни на чемъ не останавливаясь, и какъ недостижима и бесполезна цѣль ихъ усилій, не оправдываемая ни очевидностію, ни здравымъ разумомъ.

МЕЛИТОНЪ САРДІЙСКІЙ.

О МЕЛИТОНѢ САРДІЙСКОМЪ И ЕГО СОЧИНЕНІЯХЪ.

Къ числу христіанскихъ апологетовъ 2-го вѣка, писавшихъ на греческомъ языкѣ, принадлежитъ св. Мелитонъ, епископъ сардійскій (въ Лидіи, въ Малой Азіи), знаменитѣйшій пастырь церкви восточной и ученѣйшій писатель своего времени. Онъ жилъ во второй половинѣ 2-го вѣка. Сохранившіяся о его жизни свѣдѣнія очень скудны: извѣстно, что онъ путешествовалъ въ Палестину для изученія мѣстъ, гдѣ происходили событія священной исторіи, и для изслѣдованія подлинныхъ книгъ Ветхаго Завета (Евс. IV, 26); извѣстно также, что онъ принималъ участіе въ прекращеніи спора, волновавшаго лаодикійскую церковь послѣ мученической смерти епископа Сагариса, по каковому поводу написалъ сочиненіе о пасхѣ; наконецъ извѣстно, что онъ подалъ императору Марку Аврелію рѣчь въ защиту христіанской Вѣры (Евсев. тамъ же). Тѣмъ не менѣе видно, что онъ своею церковною и учено-литературною дѣятельностію оставилъ по себѣ великую память въ послѣдующихъ родахъ. Поликратъ, еписк.

ефесскій, въ своемъ посланіи къ римскому епископу Виктору (ок. 190 г.) по вопросу о пасхѣ, упоминаетъ о Мелитонѣ въ числѣ великихъ вождей церкви, погребенныхъ въ Азіи, называетъ его *эвнухомъ* (ἔβνουχον), т. е. ведшимъ безбрачную жизнь, и свидѣтельствуеетъ, что онъ во всемъ поступалъ по внушенію Святаго Духа (Евс. V, 24). Тертуллианъ, почти его современникъ, хвалитъ его краснорѣчіе и изящество слога, замѣчая, что многіе христіане почитаютъ его пророкомъ (Иерон. Catal. Script. с. 24). Евсевій приводитъ его на ряду съ современниками— Эгезиппомъ, Діонисіемъ коринѣскимъ, Аполинаріемъ іерапольскимъ, Иринеемъ и др. какъ одного изъ представителей здоровой вѣры и проводниковъ апостольскаго преданія (Ев. IV, 21). Св. Мелитонъ скончался въ Сардахъ. Говоря объ этомъ Поликрать ефесскій не называетъ его мученикомъ, между тѣмъ какъ въ томъ же мѣстѣ онъ прямо называетъ другихъ мучениками, напр. Поликарпа, Фразея. Такъ какъ Евсевій (IV, 26) говоритъ объ апологіи къ императору Марку Аврелію, какъ о послѣднемъ сочиненіи Мелитона, а она по всей вѣроятности написана въ 170 или 171 годъ, то можно предполагать, что Мелитонъ умеръ немного послѣ этого времени.

Если обстоятельства жизни св. Мелитона весьма мало извѣстны, за то покрайней мѣрѣ знаемъ, что его литературные труды были многочисленны и обнимали разнообразныя предметы богословскаго знанія и церковной жизни. Доказательствомъ сего служить перечень его сочиненій, „дошедшихъ до свѣдѣнія“ Евсевія. По словамъ церковнаго историка, „Мелитонъ написалъ двѣ книги о пасхѣ, также книги объ образѣ жизни и пророкахъ, о церкви, слово о воскресномъ днѣ, о природѣ человѣка, о его созданіи, о подчиненіи чувствъ вѣрѣ, сверхъ того — о душѣ

и тѣлѣ, объ умѣ, о банѣ (крещенія), объ истинѣ, о вѣрѣ и рожденіи Христа, о пророчествѣ, о страннолюбіи, и ключъ; также книги о діаволѣ, объ откровеніи Іоанна, о воплощенномъ Богѣ, и наконецъ небольшое сочиненіе къ Антонину.“ (IV, 26). Далѣе Евсевій упоминаетъ объ „Извлеченіяхъ“ изъ Свящ. Писанія, въ шести книгахъ, въ предисловіи къ которымъ предлагается списокъ признанныхъ всѣми книгъ Ветхаго Завѣта. Къ сожалѣнію, изъ столь богатаго сокровища сохранились до насъ почти только названія *), да небольшіе отрывки нѣкоторыхъ сочиненій Мелитона, приводимые у Евсевія: именно нѣсколько строкъ изъ предисловія къ сочиненію о пасхѣ, посвятительныя слова къ нѣкому Онисиму предъ „извлеченіями“ съ каталогомъ ветхозавѣтныхъ книгъ, и наконецъ болѣе значительныя три выписки изъ апологіи Мелитона, представленной, какъ выше сказано, импер. Марку Аврелію около 170 г. Приводимъ эти отрывки изъ апологіи.

„Нынѣ—чего никогда еще не бывало — подвергается гоненію родъ людей благочестивыхъ, преслѣдуемый злыми указами по Азіи. Безстыдные доносчики и охотники поживиться чужимъ имуществомъ, находя себѣ поводъ въ такихъ распоряженіяхъ, явно разбойничаютъ, днемъ и ночью грабятъ людей ни въ чемъ невиновныхъ“. (Потомъ, говоритъ Евсевій, спустя немного Мелитонъ продолжаетъ). „И если это дѣлается по твоему повелѣнію, — пусть дѣлается въ порядкѣ. Царь справедливый никогда не захо-

---

*) Самыя названія сочиненій Мелитона приводятся неодинаково у Евсевія, Иеронима и Руфина, переведшата церковную исторію Евсевія. Шперер (Theolog. Studien, 1838) пытался по соображенію обстоятельствъ того времени опредѣлить содержаніе и цѣль сочиненій Мелитона, но это при недостаткѣ историческихъ источниковъ могло привести только къ нетвердымъ предположеніямъ.

четь чего-либо несправедливаго; и мы охотно принимаемъ участь такой смерти. Только одну просьбу приносимъ тебѣ, чтобы ты самъ напередъ узналъ людей, которые поступаютъ съ такимъ упрямствомъ (*), и потомъ справедливо разсудилъ, достойны ли они смерти и какого либо наказанія или сохраненія жизни и спокойствія. Если же это опредѣленіе и новое распоряженіе, которое не прилично было бы даже въ отношеніи враждебныхъ варваровъ, вышли не отъ тебя, то мы еще болѣе просимъ не предоставлять насъ такому явному грабительству. Наша философія (**), первоначально процвѣла среди варваровъ (***), потомъ въ могущественное владычество предка твоего Августа встрѣтилась съ подвластными тебѣ народами и явилась добрымъ предназначеніемъ для твоего царства. Ибо съ тѣхъ поръ римская держава возвеличилась и прославилась; и ты сдѣлался вождѣннымъ преемникомъ престола и будешь владѣть имъ вмѣстѣ съ сыномъ (****), если будешь охранять ту философію, которая возростала вмѣстѣ съ имперіей и началась съ Августомъ, и которую предки твои чтили на равнѣ съ другими религіями. А что наше ученіе расцвѣло вмѣстѣ съ благополучнымъ началомъ имперіи, именно къ ея добру, важнѣйшимъ доказательствомъ служитъ то, что съ владычества Августова не случилось ничего худаго, напротивъ, согласно общему желанію, все было счастливо и славно. Изъ всѣхъ импе-

---

(*) Т. е. христіанъ, которыхъ, непоколебимость среди страданій въ глазахъ язычниковъ казалась упрямствомъ.

(**) Такъ называется здѣсь, и у другихъ церковныхъ писателей, христіанская религія.

(***) Т. е. іудеевъ, которые также относимы были у грековъ къ народамъ варварскимъ.

(****) Т. е. Коммодомъ.

раторовъ только Неронъ и Домиціанъ по внушеніямъ нѣкоторыхъ зложелательныхъ людей старались оклеветать наше ученіе: и отъ нихъ-то ложная клевета на насъ распространилась къ послѣдующимъ поколѣніямъ по неразумному обыкновенію вѣрить молвѣ. Но ихъ невѣдѣніе исправили твои благочестивые предки, много разъ письменно порицая тѣхъ, которые относительно христіанъ осмѣливались затѣвать что-либо новое. Изъ нихъ дѣдъ твой Адріанъ писалъ какъ другимъ, такъ и проконсулу Азіи Фундану (*); а твой отецъ, когда уже и ты раздѣлялъ съ нимъ правленіе, писалъ различнымъ городамъ, и между прочимъ Лариссянамъ, Солунянамъ, Аѳинянамъ и всѣмъ Эллинамъ, чтобы относительно насъ они не предпринимали ничего новаго. Что же касается до тебя, то мы еще болѣе убѣждены, что, питая одинаковыя съ ними или даже болѣе человѣколюбивыя и разумныя мысли о христіанахъ, ты сдѣлаешь все, о чемъ мы тебя просимъ“.

Таковы данныя, доставляемыя намъ Евсевіемъ относительно Мелитона и его твореній. Кромѣ того, въ Хроникѣ Пасхальной сохранился слѣдующій отрывокъ изъ апологіи Мелитона: „Мы не служимъ камнямъ безчувственнымъ, но поклоняемся единому Богу, который прежде всего и выше всего, и Христу, истинному Богу, Слову предвѣчному.“ Анастасій Синаитъ (въ VII в.) приводитъ два отрывка — одинъ изъ книгъ Мелитона о воплощеніи Христа, въ которомъ ясно говорится объ истинномъ человѣчествѣ и истинномъ Божествѣ Спасителя, другой изъ слова на „страданіе“ Христа, состоящій въ слѣдующемъ изреченіи: „Богъ пострадалъ отъ руки Израиля“ (Hodeg. с.

(*) См. у Евсевія Церк. Ист. IV, 8; тамъ же въ изданіяхъ 1-й апол. Лустина въ концѣ.

12, 13). Въ „катенахъ“ или сборникахъ изъ св. отцевъ находимъ четыре небольшихъ отрывка изъ необозначеннаго сочиненія Мелитона, въ которыхъ представляется приношеніе Исаака въ жертву Авраамомъ какъ прообразъ крестной смерти Христовой. Всѣ эти отрывки изъ сочиненій, неизвѣстныхъ Евсевію, не представляютъ достаточныхъ ручательствъ происхожденія ихъ отъ Мелитона. Тоже должно сказать и о латинскомъ переводѣ упоминаемаго у Евсевія „Ключа“, недавно изданномъ по нѣсколькимъ рукописямъ бенедиктинцемъ Питра (Specil Solesm), который представляетъ объяснительный словарь фигуральныхъ выраженій, встрѣчающихся въ Библии: въ немъ встрѣчаются объясненія, указывающія на латинское происхожденіе этого „Ключа“ (*).

Въ 1855 году ученый Куртонъ издалъ найденную имъ въ числѣ другихъ сирскихъ манускриптовъ британскаго музея „Рѣчь Мелитона философа къ императору Антонину“ съ пятью небольшими отрывками изъ другихъ сочиненій Мелитона (*). Авторъ этой рѣчи начинаетъ мыслію о томъ, какъ трудно человѣку возвратиться на путь истины послѣ долговременнаго заблужденія; однако — говорить онъ — это возможно. Напрасно оправдываютъ свое заблужденіе тѣмъ, что его раздѣляютъ многіе: оно отъ этого неменьше. А что можетъ быть безсмысленнѣе служенія тварямъ вмѣсто единаго истиннаго Бога, Которымъ

(*) Всѣ эти отрывки и часть „Ключа“ помѣщены у Паута (Reliqu. Sacrae) и въ патрологіи Миня, т. V, греч. сер.

(**) Куртона, Specilegium Syriacum. Таже апологія издана еще ученымъ Питра въ Specilegium Solesmense, съ латинскимъ переводомъ, сдѣланнымъ Ренаномъ. Вельте помѣстилъ ее въ нѣмецкомъ переводѣ въ католич. журналѣ: Theolog. Quartalschrift. Tübing. 1862. 3 Heft. Съ этого перевода сдѣланъ и нашъ переводъ.

все существуетъ, Который вѣченъ и непремѣняетъ? Еще менѣе извинительно заблужденіе послѣ того, какъ слово истины слышится по всей землѣ. Показавъ нелѣпость идолопоклонства и почитанія боговъ, которые, по его мнѣнію, суть обоготворенные люди, писатель на возраженіе: почему же Богъ не сотворилъ человѣка такъ, чтобъ онъ служеніе Ему предпочиталъ служенію тварямъ? отвѣчаетъ, что Богъ даровалъ человѣку разумъ и свободу, чтобы онъ различалъ вещи и избиралъ добро, и окруженный всюду божіими благодѣяніями возвышался до понятія объ истинномъ Богѣ чрезъ разсмотрѣніе видимой природы и особенно своей души, которая представляетъ подобіе Божіе. Затѣмъ писатель опровергаетъ другія основанія, которыми язычники оправдывали свою привязанность къ религіи отцевъ. Онъ показываетъ, что царь не обязанъ слѣдовать мнѣнію толпы и болѣе всякаго другаго долженъ исправлять заблужденіе своихъ подданныхъ для своего собственнаго блага и блага государства. Говорятъ: мы держимся религіи отцевъ. Но позволительно же обогащаться или пріобрѣтать образованіе тѣмъ, которые имѣютъ родителей бѣдныхъ или не образованныхъ; у слѣпыхъ или хромыхъ бываютъ же дѣти зрячіе и ходячіе.—Апология заключается увѣщаніемъ къ Марку Аврелію вмѣстѣ съ его дѣтьми познать Бога Истиннаго, чтобы стяжать блага вѣчныя, обѣщанныя Имъ читателямъ Его.

Таково главное содержаніе новооткрытаго сочиненія Мелитона. Нельзя считать его за ту апологию, о которой упоминаетъ Евсевій или за отрывокъ изъ нея, какъ полагалъ Ренанъ (*Specil. Solesm.*), потому что новооткрытая апология начинается и оканчивается такъ, что не заставляетъ предполагать чего либо предшествующаго или послѣдующаго, а вмѣстѣ съ симъ не заключаетъ въ себѣ приводимыхъ Ев-

севиємъ словъ изъ Мелитоновой апологіи и не представляетъ промежутка, въ которомъ они могли бы быть помѣщены. Куртонъ на основаніи Хроники Пасхальной, которая въ двухъ мѣстахъ — подъ 164—165 годомъ и еще подъ 169 г. упоминаетъ объ апологіи Мелитона къ импер. Антонину, полагаетъ, что Мелитонъ въ промежутокъ пяти лѣтъ написалъ двѣ апологіи къ этому императору, объ одной изъ которыхъ зналъ и упомянулъ Евсевій, а другая сохранилась въ сирскомъ манускриптѣ: въ послѣдней встрѣчаются слова, нѣсколько соотвѣтствующія вышеприведенному мѣсту изъ Пасхальной Хроники. Но Хроника Пасхальная, какъ не довольно обработанный сборникъ изъ разныхъ писателей, можетъ быть въ разныхъ мѣстахъ говарила объ одной и той же апологіи. Притомъ рѣзкость нѣкоторыхъ выраженій (*) въ сирской апологіи не дозволяетъ допустить, чтобы Мелитонъ написалъ ее для представленія или, какъ говорится въ надписи сирскаго манускрипта, для прознесенія предъ императоромъ съ такимъ характеромъ, какъ Маркъ Аврелій. По сему держась строго Евсевія и не отвергая авторитета такого памятника, какъ сирскій манускриптъ VII вѣка, мы полагаемъ, что Мелитонъ *подалъ одну* апологію импер. Антонину Марку съ цѣлю испросить снисхожденіе къ гонимымъ послѣдователямъ Христа, и допущенный къ особѣ императора имѣлъ словесное объясненіе съ нимъ о сущности христіанской вѣры и ея отличіи отъ языческихъ вѣрованій и богопочтенія. То, что было сказано въ устной бесѣдѣ, Мелитонъ изложилъ письменно въ болѣе свободной и рѣзкой формѣ,

---

(*) Таковы напр. въ началѣ указаніе на доходы въ пользу цезаря отъ боговъ, на неизвинительность раздѣлять заблужденіе вмѣстѣ со многими, и друг.

не имѣя въ виду представлять свое сочиненіе императору. Впрочемъ признавая сирскую апологію произведеніемъ Мелитона, мы не должны забывать особенность сирскихъ переводовъ: въ нихъ, какъ видно изъ текста посланій Игнатія Богоносца и Евсевіева сочиненія—*Θεοφαια* (*) допускались нѣкоторыя измѣненія — чрезъ сокращеніе или распространеніе подлинника.

Свящ. П. ПРЕОБРАЖЕНСКІЙ.

(*) Сирскій текстъ сочиненія Евсевія изданъ (1843) докт. Леемъ, а греческіе отрывки его—кардиналомъ Ман.

РѢЧЬ МЕЛИТОНА ФИЛОСОФА,

КОТОРУЮ ДЕРЖАЛЪ ОНЪ ПРЕДЪ ИМПЕРАТОРОМЪ АНТОНИНОМЪ, ЧТОБЫ НАУЧИТЬ ЕГО ПОЗНАНІЮ БОГА И ПОКАЗАТЬ ЕМУ ПУТЬ ИСТИНЫ.

И онъ началъ говорить такъ: Не легко обратить скоро на правый путь такого человѣка, который долгое время прежде находился въ заблужденіи. Однакожь это возможно. Ибо если человѣкъ хотя немного отвращается отъ заблужденія, свидѣтельство истины становится удобопріемлемо для него. Какъ съ разсѣяніемъ мрака, тотчасъ проясняется небо, такъ бываетъ и съ человѣкомъ, если онъ обращается къ Богу: скоро снимается съ его лица облако заблужденія, которое препятствовало правильному его зрѣнію. Заблужденіе же, какъ страсть и какъ сонъ, долгое время владѣтъ тѣми, которые ему подверглись. Но истина пользуется словомъ, какъ жаломъ, и поражаетъ тѣхъ, которые спятъ, и пробуждаетъ ихъ, и они пробужденные, видя истину, пріобрѣтаютъ разумніе,

слышать и различаютъ то, что есть, отъ того, чего нѣтъ. Ибо есть люди, которые грѣхъ называютъ правдою, и дѣйствительно думаютъ, что это правда, когда видятъ, что не одни они заблуждаются, а вмѣстѣ съ ними и многіе люди. Но я говорю: не хорошо это извиненіе, что одинъ человѣкъ заблуждается со многими; ибо если одинъ самъ по себѣ безразсуденъ, то велико безразсудство его: во сколько же разъ больше безразсудство, если безразсудствуютъ многіе? А неразуміе, о которомъ я говорю, состоитъ въ томъ, что человѣкъ оставляетъ то, что по истинѣ есть, и служить тому, чего по истинѣ нѣтъ. Но есть вѣчто по истинѣ, и это называется Богомъ; Онъ по истинѣ есть, и все существуетъ чрезъ Его силу. Онъ не естъ сотворенное существо, не получилъ начала во времени; но Онъ отъ вѣчности, и существуетъ во вѣки вѣковъ. Онъ не измѣняется, тогда какъ все измѣняется. Никакое зрѣніе не можетъ видѣть Его, никакой разумъ понять Его, никакое слово—объяснить Его. Любящіе же его называютъ Его Отцомъ и Богомъ истины. Посему если человѣкъ оставляя свѣтъ говорить, что есть иной Богъ, то смыслъ его словъ тотъ, что онъ одну изъ тварей называетъ богомъ. Ибо если человѣкъ огонь называетъ богомъ, то это не богъ, потому-что огонь, и если онъ называетъ воду богомъ, то это—не богъ, потому что вода; и если эту землю, по которой мы ходимъ, это небо, которое мы видимъ, если солнце, луну, или одну изъ этихъ звѣздъ, которыя не останавливаясь совершаютъ предписанное имъ теченіе и движутся не по собственной волѣ, и если золото или серебро человѣкъ называетъ богомъ; то все это не вещи ли, которыми мы пользуемся, какъ хотимъ? И если это дерево, которое

мы сожигаемъ, и если эти камни, (которые мы сокрушаемъ, (кто-нибудь называетъ богомъ); то могутъ ли они быть богами, когда они служатъ для употребленія людямъ? Не тяжело ли же согрѣшаютъ тѣ, которые въ словахъ своихъ смѣшиваютъ великаго Бога съ этими вещами, которыя существуютъ только по Его повелѣнію? Однакожь я говорю, что когда человѣкъ не слышитъ, и не различаетъ и не знаетъ, что Господь — превыше всѣхъ этихъ тварей, онъ, можетъ быть, не заслуживаетъ осужденія, потому что никто не осуждаетъ слѣпаго, если онъ идетъ непрямо. Такимъ же образомъ люди, ища Бога, натыкались на камни и дерево, а богатые между ними натыкались на золото и серебро, и чрезъ это отдалялись отъ того, чего искали. Но теперь, когда по всей землѣ слышится голосъ возвѣщающій, что есть Богъ истинный, и каждому человѣку дано око, чтобы видѣть, теперь не имѣютъ извиненія тѣ, которые и хотѣли бы, но стыдятся изъ-за того, что многіе раздѣляютъ ихъ заблужденія, обратиться на правый путь. Ибо кто стыдится жить, того необходимость заставляетъ умереть. По сему я совѣтую имъ, открыть глаза свои—и видѣть. Свѣтъ данъ для всѣхъ насъ безъ зависти, чтобы мы чрезъ него видѣли. Если же и по возшествіи свѣта, человѣкъ замыкаетъ глаза свои, чтобы не видѣть, то его путь ведетъ къ гибели. Ибо зачѣмъ человѣку стыдиться тѣхъ, которые съ нимъ заблуждаются? Скорѣе — онъ долженъ убѣждать другихъ, чтобы нослѣдовали ему; и если они не убѣдятся, пусть спасаетъ душу свою отъ среды ихъ. Есть люди, которые не могутъ возвыситься надъ землею, своею матерью, и потому дѣлаютъ себѣ и боговъ изъ земли, своей матери; осуждены таковые судомъ истины, потому-то они неизмѣ-

няемое Имя прилагаютъ къ вещамъ измѣняющимся, и не страшатся называть богами то, что сдѣлано руками чело-вѣка, и дерзаютъ дѣлать изображенія Бога, Котораго они не видѣли.

Но я говорю, что говорила и Сивилла объ нихъ (1), именно, что они поклоняются изображеніямъ умершихъ царей. И это легко видѣть: потому что вотъ и теперь они поклоняются изображеніямъ цезарей и почитаютъ ихъ больше, нежели боговъ древнѣйшихъ. Ибо отъ этихъ древнѣйшихъ боговъ идутъ подати и разные сборы цезарю, какъ такому, который больше ихъ; потому и умерщвляются тѣ, которые презираютъ идоловъ и чрезъ то уменьшаютъ доходъ цезаря (2). Ибо опредѣлено, сколько почитатели даютъ для сокровищницъ другихъ царей въ различныхъ мѣстахъ, сколько даютъ они мѣховъ, наполненныхъ морскою водою (3)! И такова злоба міра, злоба тѣхъ, которые обожаютъ и боятся того, что лишено чувствъ и многіе изъ тѣхъ, которые понимаютъ дѣло, не только сами поклоняются изъ-за выгодъ, для суетной

---

(1) Куртонъ замѣчаетъ, что Мелитонъ могъ имѣть при себѣ въ виду слѣдующіе сивиллины стихи, хотя они говорятъ не о царяхъ, но вообще объ идолахъ умершихъ людей:

Ἡμεῖς δ' ἀθανάτοιο τριβου πεπλαημένοι ἦμεν
Εργα τε χειροποίητα σεβασμεθα ἀφρονι θυμῷ,
Ἐιδῶλων ξοάνων τε καταφθιμένων ἀνδράπων.

(2) О томъ же Тертуліанъ говоритъ (Apologet. с. 13): *publicos (deos) aequè publico jure foedatis, quos in hastario vectihales habetis... Sed enim agri tributo onusti viliores, hominum capita stipendio censa ignobiliora; nam hae sunt notae captivitatus. Dii vero, qui magis tributarii, magis sancti, imo qui magis sancti, magis tributarii. Majestas quaestuaria efficitur... Exigitis mercedem pro solo templi, pro aditu sacri; non licet deos nosse gratis, venales sunt.*

(3) По замѣчанію Вельте, здѣсь можно разумѣть соль, добываемую изъ морской воды; или можетъ быть это мѣсто испорчено переписчиками.

славы, или ради господства надъ многими, но побуждаютъ и другихъ, людей неразумныхъ, обожать то, что лишено чувствъ. Но я хочу по своему разумѣнiю написать и объяснить, какимъ образомъ и по какимъ причинамъ стали дѣлать изображенiя царей и тирановъ, и какъ потомъ сравнивали ихъ съ богами. Жители Аргоса сдѣлали статуи Геркулеса, потому что онъ былъ сынъ ихъ города, отличался храбростiю, и своею силою убивалъ вредныхъ животныхъ, а еще больше потому, что аргосцы боялись его, такъ какъ онъ насильствовалъ и у многихъ отнялъ женъ; а онъ былъ похотливъ, такъ же сильно какъ и другъ его, персiанинъ Суради (*). Опять актiйцы (**) обожали царя Дiониса, потому что, они первые развели виноградникъ въ своей странѣ (**). Египтяне обожали еврея Иосифа, который называется Сераписомъ, потому что онъ снабжалъ ихъ хлѣбомъ въ голодные годы. Аѳиняне обожали Аѳину дочь Зевса, царя острова Крита, потому что она основала замокъ Аѳинскiй, и тамъ поставила царемъ Эриктипа (†), своего сына, который родился отъ ея прелюбодѣянiя съ кузнецомъ Ифестомъ, сыномъ жены ея отца. Она также была въ постоянномъ общенiи съ Геркулесомъ, потому что онъ былъ братомъ ея по отцу; ибо Зевсъ царь любилъ Алкимену, жену Электрiона аргосскаго, и отъ прелюбодѣянiя съ нею имѣлъ сына Геркулеса. Финикiяне обожали женщину Бальти (**), царьцу кипрскую; потому, что

(*) Т. е. Зороастръ.

(**) Жители Акты, подъ которой разумѣется Аттика.

(†) Такъ переводитъ Вельте; а Куртожъ перевелъ: «потому, что онъ первый ввелъ вино въ ихъ странѣ».

(‡) Т. е. Эректя. Курт.

(§) Подъ Бальти здѣсь разумѣется Венера грековъ, подъ Фанномъ — Адонисъ, а подъ Куваронъ — Кинира. Курт.

она любила Тамма, сына Куэара, царя финикійскаго, оставила свое царство, и поселилась въ Гевалѣ, крѣпости финикійской, и вмѣстѣ подчинила всѣхъ обитателей Кипра царю Куэару. Но такъ какъ она прежде Тамма любила Ареса, съ которымъ и совершила прелюбодѣянiе и была застигнута Ифестомъ ея супругомъ, воспылавшимъ ревностію, то онъ умертвилъ Тамма на горѣ Ливанѣ, когда онъ былъ на охотѣ за дикими кабанамн. Съ этого времени Балти оставалась въ Гевалѣ, и умерла въ городѣ Афикѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ погребенъ былъ Таммъ. Эламнтяне почитали Ну (9), дочь царя Эламскаго. Когда непріатели увели ее въ плѣнъ, отецъ ея сдѣлалъ ея статую и посвятилъ храмъ въ Сузанѣ, крѣпости Эламской. Сиріянн почитали Аои, гаднбнтянку, которая посылала искусную въ врачеванн дочь Велета, чтобъ она исцѣлила Сими, дочь царя сирійскаго Гадада; а когда нѣкоторое время спустя, самъ Гададъ заболѣлъ проказой, Аои просила еврея Елисса, чтобъ онъ пришелъ и исцѣлилъ царя (10). Месопотамннн также почитали Куѣби, еврейку, которая освободила отъ враговъ одного вельможу эдесскаго Вагру (11). Писать ли мнѣ о Нево (12), ко-

---

(9) Здѣсь вѣроятно ошибка переписчика, подъ Ну должно разумѣть Анагиту, которая была чтима въ Эламѣ и имѣла богатый храмъ въ Сузѣ. *Курт.*

(10) На что намекаютъ эти неясныя указаннн, не видно; но они очень различны отъ разсказа 2 кн. Цар. V.

(11) Ренанъ замѣчаетъ объ этомъ: *Naes mihi plane nova sunt et mythologiam Syrogum novis commentis locupletant.*

(12) Нево упоминается у Исаи (46, 1) вмѣстѣ съ Вилонъ или Беломъ, какъ халдейское божество; оно встрѣчается также во многихъ ассирійскихъ и вавилонскихъ именахъ собственныхъ, напр. Навуходносоръ, Гезеніусъ и другіе почитаютъ его за планету Меркурія и принимаютъ въ значеннн «толкователя» боговъ. Но Мелитонъ, очевидно, разумѣлъ подъ Нево нѣчто другое. *Вельтв.*

торый почитается въ Мабугъ? Всѣ жрецы мабугскіе знаютъ, что это изображеніе еракійскаго мага Орфея. А Адранъ есть изображеніе персидскаго мага Зерадушта. Эти два мага произвели волхвованіе при одномъ источникѣ, который находился въ роцѣ Мабугской, и въ которомъ обиталъ нечистый духъ, причинявшій вредъ и останавливавшій кажлаго мимопроходившаго челоуѣка, по всей странѣ, гдѣ нынѣ лежитъ крѣпость мабугская. Эти маги сообразно съ тайнами своей магіи повелѣли Сими, дочери Гадада, чтобъ она почерпнула изъ моря воды и влила ее въ источникъ, дабы болѣе не являлся нечистый духъ, и не причинялъ никакого вреда. — Такимъ же образомъ и прочіе люди дѣлали статуи своихъ царей и почитали ихъ, о чемъ болѣе не хочу писать.

Но ты существо разумное, свободное и знающее истину, размысли объ этомъ самъ съ собою и когда тебя захотятъ облечь въ женскія одежды ⁽¹⁵⁾, всомни, что ты мужъ; вѣрь Тому, Кто воистину есть Богъ, открой предъ Нимъ сердце твое, ввѣрься Ему, и Онъ дастъ тебѣ вѣчную жизнь безсмертныхъ; ибо все содержитсяъ въ рукахъ Его. Другіе же предметы почитай тѣмъ, что они суть, изображенія, какъ изображенія, статуи — какъ статуи, и не поставляй какойнибудь сотворенной вещи на мѣсто Несозданнаго. Богъ же, вѣчно живущій, входитъ въ душу твою, ибо душа твоя есть Его образъ, такъ какъ и она невидима, неосязаема, не имѣетъ вида и своею волею движитъ все тѣло. И такъ знай, что если ты почитаешь Незмѣняемаго, то и ты, такъ какъ Онъ вѣченъ, когда оставишь видимое и преходящее, бу-

---

(15) Въ нѣкоторыхъ безнравственныхъ культахъ азіатскихъ употреблялось переодѣваніе мужчинъ въ женскія одежды и наоборотъ: что и было запрещено во Второз. XXII, 5.

дешь вѣчно предстоять предъ Нимъ, исполненный жизни и знанія; и дѣла твои будутъ тебѣ богатствомъ неумалющимся, сокровищемъ неоскудѣвающимъ. Но знай, что вѣнецъ твоихъ добрыхъ дѣлъ есть познаніе Бога и служеніе Ему. И знай, что Онъ отъ тебя ничего не требуетъ, ни въ чемъ не нуждается.

Кто же этотъ Богъ? Тотъ, Кто Самъ есть истина, и Слово Коего есть истина. Но что есть истина? То, что не создано, не сотворено, не образовано, т. е. бытіе, которое не имѣеть начала и называется истинною. Итакъ, если человѣкъ поклоняется чему-либо, сдѣланному руками, то онъ почитаетъ не Истину, и также не Слово истины. Я сказалъ бы еще мвогое объ этомъ предметѣ, но стыжусь за тѣхъ, которые не понимаютъ, что сами они выше, чѣмъ дѣла рукъ ихъ, которые не замѣчаютъ, какъ они даютъ золото художникамъ, дабы они сдѣлали имъ бога, даютъ серебро для украшенія его, и переносятъ свое богатство съ одного мѣста на другое и обожаютъ его! Какое преступленіе больше того, когда человѣкъ обожаетъ свое богатство, и оставляетъ Того, Кто даетъ ему богатство, ругается надъ человѣкомъ и обожаетъ изображеніе его, убиваетъ животное и почитаетъ образъ его? Должно согласиться, что они почитаютъ художественное изображеніе подобныхъ себѣ людей. Ибо они не почитаютъ веществъ, когда онѣ лежатъ въ кучѣ, а почитаютъ тогда, какъ художникъ сдѣлаетъ изъ нихъ идола. Они не почитаютъ самаго золота или серебра; но если онѣ будутъ обработаны художниками, они почитаютъ ихъ, теряя здравый смыслъ. Чтоже прибавилось къ твоему золоту, что ты теперь поклоняешься ему? Если (ты поклоняешься ему) за то, что оно сдѣлалось подобно крылатому животному, то почему ты

не поклоняешься этому самому животному? Если за то, что оно уподобилось хищному звѣрю, то вотъ — этотъ самый звѣрь предъ тобою. Если тебѣ нравится художественное произведеніе, то пусть же тебѣ понравится дивное твореніе Бога, все создавшаго. И по Его образцу работаютъ художники, — стараются дѣлать такъ, какъ создано Богомъ, но не достигаютъ сходства.

Но, можетъ быть, ты скажешь: почему Богъ не устроилъ такъ, чтобъ я почиталъ Его, а не статую? Говоря такимъ образомъ, ты хочешь быть простымъ орудіемъ, а не живымъ человекомъ; Богъ же сотворилъ тебя такъ, какъ Ему было угодно, и далъ тебѣ разумъ и свободу. Онъ поставилъ предъ тобою множество вещей, чтобы ты обсуждалъ все и выбиралъ благое. Онъ поставилъ предъ тобою небо и на немъ звѣзды; Онъ поставилъ предъ тобою солнце и луну, которыя ежедневно обтекаютъ небо; Онъ поставилъ предъ тобою множество водъ, и ограничилъ ихъ словомъ Своимъ! Онъ поставилъ предъ тобою великую землю, которая поκειται и стоитъ предъ тобою въ одинаковомъ видѣ; и дабы ты не подумалъ, что она стоитъ своею собственною силою, Онъ потрясаетъ ее, когда хочетъ; Онъ поставилъ предъ тобою облака, которыя по его повелѣнію, испускаютъ воду съ высоты, и насыщаютъ землю, дабы ты познавалъ изъ сего, что Тотъ, Кто производитъ это, больше всего существующаго, и дабы ты постигалъ благость Того, Кто далъ тебѣ разумъ, способный разсуждать о всемъ этомъ. Посему я совѣтую тебѣ познать самаго себя, и ты познаешь Бога. Познай, какъ въ тебѣ есть то, что называется душою, какъ чрезъ нее око видитъ, ухо слышитъ, уста говорятъ, движется все тѣло. И когда Богу угодно отдѣлить душу твою отъ тѣла, то оно

падаетъ и разрушается. И такъ изъ того, что въ тебѣ есть, но невидимо, познай какимъ образомъ Богъ по собственной волѣ управляетъ всѣмъ міромъ какъ бы тѣломъ, такъ что если Ему угодно будетъ отнять свою силу, то міръ какъ тѣло, упадетъ и разрушится.

Но зачѣмъ созданъ этотъ міръ, и зачѣмъ разрушается? зачѣмъ тѣло, почему оно разрушается, почему оно существуетъ? ты не узнаешь, если не поднимешь головы своей отъ сна, въ который ты погрузился; если не откроешь очей твоихъ и не увидишь, что Одинъ есть Богъ и Господь всего, и не будешь служить Ему отъ всего сердца твоего. Тогда Онъ дастъ тебѣ познать волю Его. А кто далекъ отъ познанія живаго Бога, тотъ мертвъ и погребенъ въ своемъ тѣлѣ. Посему ты пресмыкаешься предъ демонами и привидѣніями на землѣ, и устремляешь напрасныя просьбы къ тѣмъ, которые ничего не могутъ дать. Но ты возвысься надъ тѣми, которые лежатъ на землѣ и цѣлуютъ камни, и свою пищу предають на пожераніе огню, и одежды свои жертвуютъ истуканамъ, и сами имѣя чувства служатъ тому, что лишено чувствъ. Простирай свои непреходящія прошенія къ непреходящему Богу за свою душу, которая не уничтожается, и откроется тогда твоя свобода; объ ней подумай и благодари Бога, Который одарилъ тебя разумомъ и свободой, чтобы ты могъ поступать, какъ самъ хочешь. Онъ поставилъ предъ тобою всѣ вещи, и открылъ тебѣ, что, если ты послѣдуешь злу, то будешь осужденъ чрезъ самыя злыя дѣла, а если послѣдуешь добру, то получишь отъ Него многія блага вмѣстѣ съ вѣчною жизнію бессмертныхъ.

Итакъ, ничто не препятствуетъ тебѣ, какъ свободному,

перемѣнить твой худой образъ жизни, искать и обрѣсти Того, Кто есть Господь всего, и служить Ему всѣмъ сердцемъ твоимъ; ибо Онъ незавѣстно оообщаетъ познаніе о Себѣ тѣмъ, которые ищутъ познать Его.

Прежде всего позаботься не обольщать самаго себя. Ибо если ты называешь богомъ то, что не есть Богъ, то ты самъ обольщаешь себя и грѣшишь предъ Богомъ истинны. Несмысленный! Ужели то — Богъ, что покупается? Ужели то Богъ, что нуждается потребности? Ужели то — Богъ, что должно быть стрегомо? Какъ же ты, покупаешь его, какъ раба, и почитаешь, какъ господа? Какъ же ты просишь у него подаванія, какъ у Бога, и самъ подаешь ему, какъ нищему? Какъ надѣешься на него, что онъ дастъ тебѣ побѣду на войнѣ? Въдь, если враги одолѣютъ тебя, то они и его низвергнутъ:

Можетъ быть, какой нибудь царь скажетъ: «я не могу дѣлать то, что считаю справедливымъ, потому что я — царь, и долженъ исполнять волю большинства.» Кто говоритъ такимъ образомъ, то по истинѣ заслуживаетъ смѣха. Ибо почему царь не долженъ быть вождемъ на пути ко всему доброму, и убѣждать подвластный ему народъ — ходить въ чистотѣ и познать Бога во истинѣ? Отъ чего ему являть въ себѣ примѣръ всякаго добраго дѣла для своихъ подданныхъ, когда это такъ прилично ему? А это самое гнусное дѣло, если царь самъ поступаая дурно, судить и осуждаетъ людей преступныхъ. Но я полагаю, что царство тогда только можетъ управяться мирно, когда царь знаетъ Бога истинны, и боится несправедливо поступить съ своими подданными, и когда онъ во всемъ поступаетъ справедливо, какъ человекъ, понимающій, что предстоитъ отдать отчетъ предъ Богомъ; когда и поддан-

ные боятся предъ Богомъ поступать несправедно въ отноше́нїи къ своему царю, и также боятся поступать несправедно другъ съ другомъ. Черезъ это познавше Бога и чрезъ этотъ страхъ предъ Нимъ можетъ быть удалено изъ царства всякое зло. Ибо когда царь не дѣлаетъ несправедности съ подданными, а подданные не поступаютъ несправедно въ отноше́нїи къ царю и другъ къ другу, тогда очевидное дѣло, вся страна наслаждается миромъ. И тамъ совершается много добра, потому, что между ними всеми славится имя Божіе. И какое добро предпочтительнѣе того, если царь освобождаетъ подвластный ему народъ отъ заблужденія и этимъ добрымъ дѣломъ благоугождаетъ Богу? Ибо изъ заблужденія проистекають всякія бѣдствія. Главнѣйшее же заблужденіе то, когда человѣкъ не знаетъ Бога, и вмѣсто Бога, почитаетъ нѣчто такое, что не есть Богъ. Но есть люди, которые говорятъ: «въ чаетъ Бога мы дѣлаемъ идола», и почитаютъ именно образъ Бога сокровеннаго, — они не знаютъ, что Богъ на всякомъ мѣстѣ, что Онъ никогда не находится въ отсутствїи, и ничего не дѣлается, чего бы Онъ не вѣдалъ. А ты, жалкій человѣкъ, которому Богъ присутствуетъ въ тебѣ, вишь тебя и надъ тобою, идешь и покупаешь себѣ изъ дома художника дерево, которое обрѣзано и обработано въ поруганіе Бога; приносишь жертву этому истукану, и не знаешь, что тебя видитъ око Всевидящее, и что тебя осуждаетъ Слово истины, и говоритъ тебѣ; какъ невидимый Богъ можетъ быть вырѣзанъ? а ты дѣлаешь собственное свое подобіе, и поклоняешься ему. Такъ какъ дерево обрѣзано, ты и не замѣчаешь, что это—дерево, или что это камень, и что золото дѣлится по вѣсу. И зачѣмъ ты взвѣшиваешь его? Значить,

ты любишь золото, а не Бога; и не стыдишься, если оно убыло, требовать отъ художника того, что онъ укралъ; — имѣешь глаза, но не видишь, имѣешь сердце, но не разумѣешь. Зачѣмъ ты валяешься на землѣ, и молишься вещамъ, которыя безчувственны? Страшишь Того, Кто колеблетъ землю, покрываетъ небо, воздымаетъ море, переставляетъ горы, Кто все можетъ уподобить огню, все истребить. И если ты не можешь оправдаться, то не прибавляй еще къ своимъ грѣхамъ и если ты не можешь познать Бога, то, по крайней мѣрѣ, вѣруй, что Онъ есть.

Опять есть люди, которые говорятъ: «мы почитаемъ то, что намъ завѣщали отцы.» Почему же стараются сдѣлаться богатыми тѣ, которымъ отцы оставили бѣдность; и тѣ, которыхъ не научили отцы, стараются научиться и узнать то, чего не знали ихъ отцы? И почему сыновья слѣпыхъ видятъ, а хромыхъ ходятъ? Не хорошо для человѣка, если онъ слѣдуетъ предкамъ, которые дурно жили; но хорошо, если мы уклоняемся отъ этого пути, дабы избѣгнуть того, что постигло предковъ. Посему разслѣдуй: если отецъ твой поступалъ хорошо, то слѣдуй ему и ты; а если онъ жилъ дурно, то ты живи хорошо, и пусть дѣти твои подражаютъ тебѣ. И сокрушайся объ отцѣ твоемъ, что онъ жилъ дурно; твоя скорбь можетъ помочь ему. Сыновьямъ же своимъ скажи такъ: есть Богъ, Отецъ всего, существо безначальное и несозданное, все содержащее въ своей волѣ. Онъ создалъ свѣтила, дабы твари видѣли другъ друга, а самъ сокрылся въ своемъ могуществѣ отъ всѣхъ своихъ тварей; ибо твари измѣняющейся невозможно видѣть неизмѣннаго. Тѣ же, которые склоняются къ убѣжденію и достигаютъ до состоянія неизмѣнности, видятъ Бога, сколь-

ко это возможно для нихъ; они также могутъ избѣжать истребленія, когда потопъ огненный, устремится на весь міръ. Былъ нѣкогда потопъ бурный, ⁽¹⁴⁾ когда сѣверный вихрь развѣялъ назначенныхъ на то людей, и остались только праведные во свидѣтельство истины. Опять въ другое время, былъ потопъ водный, и погибли всѣ люди и животные во множествѣ воды, и сохранились праведные въ деревянномъ ковчегѣ, по повелѣнію Божію. Такимъ же образомъ въ послѣднее время, будетъ потопъ огненный, и сгоритъ земля съ горами ея, сгорятъ люди вмѣстѣ съ идолами, которыхъ они сдѣлали, и со статуями, которымъ они поклонялись, и сгоритъ море съ островами его, но праведные сохранятся отъ гнѣва, какъ сохранились праведные въ ковчегѣ отъ воды потопа. И тогда возстенаютъ тѣ, которые не знали Бога и дѣлали себѣ идоловъ, когда они увидятъ, что и идолы ихъ погибаютъ вмѣстѣ съ ними, и ничто не можетъ помочь имъ.

Но если ты, цезарь Антонинъ, научишься сему, и если узнаютъ это съ тобою и дѣти твои, то пріобрѣтешь имъ наслѣдіе вѣчности, которое не проходитъ, и спасешь душу свою и души сыновъ своихъ отъ участи, которая ожидаетъ всю землю на судѣ истины и правды. Если ты познаешь Бога здѣсь, то Онъ познаетъ тебя тамъ; и если здѣсь ты Его презришь, то Онъ не поставитъ тебя между тѣми, которые знаютъ и прославляютъ Его. Этого довольно для твоего величества; а можетъ быть, и слишкомъ довольно, если угодно.

---

(14) Незвѣстно, что здѣсь разумѣется.

МИНУЦІЙ ФЕЛИКСЪ

И ЕГО СОЧИНЕНІЕ

„О К Т А В І Й.“

О МИНУЦІЪ ФЕЛИКСЪ

И ЕГО СОЧИНЕНІИ „ОКТАВІИ“.

Рядъ христіанскихъ писателей-апологетовъ II вѣка заканчивается Минуціемъ Феликсомъ, который хотя по языку, на которомъ писалъ, принадлежитъ къ церкви латинской, но по направленію и приемамъ защищенія христіанства ближе примыкаетъ къ апологетамъ греческимъ. Притомъ дѣятельность Минуція Феликса, по всей вѣроятности, относится также ко времени императоровъ Антонина Пія или Марка Аврелія, и его разговоръ между христіаниномъ и язычникомъ, извѣстный подъ именемъ «Октавія» появился ранѣе защитительнаго слова (Apologeticum) Тертулліана, изданнаго около 197—199 г. (*).

(*) Приводимъ здѣсь слова Альдога (Grundriss der Patrologie 1866 г.): «Еще въ прошломъ столѣтіи *Реслеръ* въ своей библиотекѣ отцевъ церкви высказалъ: Я долженъ признаться, что чѣмъ далѣе изучаю, тѣмъ менѣе считаю «Октавія» за подражаніе тертулліанова апологетика; потому *Руссурмъ* въ своемъ изданіи Октавія (Hamb. 1824) и *Мейеръ* (въ commentatio de Min. Felic. 1824), а также *Нибуръ* (Kleinere Schriften. II, 56) на основаніи языка отнесли Октавія ко времени Антониновъ. Наконецъ *Муральтъ*, издатель Октавія (съ предисловіемъ *Орелли*, Turic. 1836), въ предпосланномъ изслѣдованіи de M. Felicis aetate, доказалъ, послѣ тщательнаго сравненія нашего разговора съ апологетикомъ, девятью доводами хронологическое первенство Октавія. Къ тому же есть другіе внутренніе признаки, подтверждающіе это мнѣніе. Съ своей сто-

Маркъ Минуцій Феликс жилъ во второй половинѣ II вѣка и въ началѣ III. Неизвѣстно въ точности, Италия или Африка была его родиной; но вѣрно то, что онъ будучи еще язычникомъ, переселился въ Римъ и здѣсь занималъ видное мѣсто между адвокатами (Иерон. Catal. с. 58; Лактан. Iustit. V, I). Объ его умѣ, ораторскомъ дарованіи, многосторонней учености и ревности къ христіанской Вѣрѣ, въ которую перешелъ уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ изъ язычества, свидѣтельствуесть сохранившееся до насъ его сочиненіе «Октавій». Это сочиненіе написано въ формѣ Цицероновскихъ разговоровъ и представляетъ собой воспроизведеніе бесѣды объ язычествѣ и христіанствѣ, происходившей между друзьями Минуція—Цецліемъ язычникомъ и Октавіемъ христіаниномъ, во имени котораго названъ и самый разговоръ.

Въ началѣ сочиненія (гл. 1—4) Минуцій Феликсъ рассказываетъ объ обстоятельстве, послужившемъ поводомъ къ разговору. Дважды, по прибытіи Октавія изъ провинціи въ Римъ, Минуцій отправился съ нимъ для прогулки въ Остію, ближайшій къ Риму приморскій городокъ; ихъ сопровождалъ и Цецлій. На пути Октавій съ удивленіемъ замѣтилъ, что Цецлій по языческому обыкновенію сдѣлалъ привѣтствіе статуѣ Сарapisа, мимо которой они проходили, и упрекнулъ Минуція въ небреженіи объ обращеніи столь близкаго друга отъ языческаго заблужденія къ истинной вѣрѣ. Оскорб-

роны мы для этого вывода находимъ еще основанія во 1-хъ въ бѣльшей простотѣ Октавія и во 2-хъ въ томъ, что въ противоположность съ апологетикомъ, мы здѣсь не находимъ почти никакой ссылки на библейскія мѣста, а напротивъ—много цитатъ и параллельныхъ мѣстъ изъ Цицерона—de natura deorum и de fato. При этомъ въ стилистическомъ отношеніи Октавій такъ значительно отличается отъ грубаго, часто неправильнаго языка апологета, что Муральтъ справедливо говоритъ: majore etiam quam Lactantius jure christianus Cicero dici poterit Minucius. Согласно съ этимъ и *Ангело Май*, на основаніи 9 и 34 гл. говорить, что *Цецлій* нашего разговора есть тотъ самый, который называется въ письмѣ *Фронтона* (opp. Frontonis Rom. 1823. p. 336).-

ленный замѣчаніемъ Октавія, Цецилій, молча и въ печальномъ расположеніи духа, продолжалъ путь съ своими друзьями, но потомъ съ спокойною увѣренностію предложилъ Октавію основательно изслѣдовать во взаимной бесѣдѣ религіозный вопросъ, раздѣлявшій христіанъ и язычниковъ. Вызовъ былъ принятъ: спорящіе для большаго удобства сѣли и предложили Минуцію Феликсу быть посредникомъ и судіею въ спорѣ. Содержаніе послѣдовавшей бесѣды Минуцій и изложилъ въ своестъ сочиненіи.

Рѣчь началъ Цецилій. Отправляясь отъ скептическаго положенія, что человѣческое познаніе недостоверно, онъ сперва порицаетъ притязаніе христіанъ — людей по большей части необразованныхъ — брать на себя рѣшеніе высшихъ вопросовъ человѣческаго духа о Богѣ, о провидѣніи, о происхожденіи и существованіи міра (5). Въ виду же религіозной потребности челоѣка онъ требуетъ держаться религіи, завѣщанной предками, — какъ древней, ознаменованной различными благодѣяніями боговъ, за приверженность къ которымъ Римъ получилъ всемірное владычество; и затѣмъ представляетъ цѣлый рядъ доводовъ противъ христіанства (6—13). Онъ обвиняетъ исповѣдниковъ христіанской религіи въ томъ, что они принадлежатъ къ самому нисшему, невѣжественному и грубому классу народа, говоритъ, что предметы ихъ богочтенія отвратительны, обряды безчеловѣчны и безнравственны, ученіе ихъ о Богѣ единомъ, о кончинѣ міра и о воскресеніи тѣлъ нелѣпо, и наконецъ самая жизнь ихъ, чуждая удовольствій язычества, исполненная бѣдствій и гоненій, обличаетъ тщету ихъ вѣрованій и надеждъ. За рѣчью Цецилія, послѣ краткихъ замѣчаній Минуція о строгомъ вниманіи къ внутренней силѣ доводовъ (14—15), идетъ рѣчь Октавія въ защиту христіанства, гдѣ онъ обстоятельно опровергаетъ обвиненія противъ него и показываетъ полную

несостоятельность язычества (16—38). Въ концѣ этой бесѣды Цецилій съ радостію объявилъ себя побѣжденнымъ (*) неотразимую истинною и одушевленіемъ рѣчи Октавія и просить его продолжить поучительныя собесѣдованія въ слѣдующій день. Друзья въ общей радости возвратились домой (39—40).

Были ли изложены дальнѣйшіе разговоры друзей о религіи — не извѣстно. Иеронимъ упоминаетъ объ извѣстномъ въ его время подъ именемъ Минуція Феликса сочиненіи «о судьбѣ или противъ астрологовъ», и Минуцій въ гл. 36 устами Октавія «общаетъ разсуждать въ другомъ мѣстѣ о судьбѣ обстоятельнѣе», но это сочиненіе, которое впрочемъ Иеронимъ не признавалъ подлиннымъ, не дошло до насъ.

Сочиненіе Минуція Феликса заслуживаетъ особеннаго вниманія не столько положительнымъ раскрытіемъ содержанія и внутренней силы христіанской истины, сколько тѣмъ, что въ послѣдовательномъ и живомъ изложеніи представляетъ все, что говорили съ одной стороны образованные язычники II вѣка противъ христіанской Вѣры и въ защиту языческой религіи, а съ другой образованные между христіанами—въ отпоръ обвиненія и доводы язычников (**).

Свящ. П. ПРЕОБРАЖЕНСКІЙ.

(*) Нѣкоторые думаютъ, что этотъ Цецилій по обращеніи въ христіанство былъ карагенскимъ священникомъ и обратилъ къ вѣрѣ св. Кипріяна. По крайней мѣрѣ Кипріявъ въ своемъ сочиненіи «о суетности идоловъ» сдѣлалъ значительныя выписки отъ 20—28 гл. Октавія.

(**) Сочиненіе М. Феликса долгое время хранилось между рукописями Ватиканской бібліотеки, доколѣ Папа Левъ X не подарилъ ее франц. королю Францу I, и оно поступило въ Парижскую бібліотеку. По этому кодексу оно было въ первый разъ издано въ Римѣ въ 1543 г., по ошибкѣ чтенія, какъ восьмая (octavus lib.) книга сочиненія Арновія противъ язычниковъ. Балдуинъ исправилъ эту ошибку въ своемъ изданіи 1560 г. Въ изданіи Патрологіи Миня оно помѣщено въ 3 томѣ лат. писателей.

ОКТАВІЙ

МАРКА МИНУЦІЯ ФЕЛИКСА.

I. Когда я предаюся размышленію и вспоминаю объ Октавіѣ—этомъ добромъ и вѣрномъ моемъ другѣ, я испытываю такое наслажденіе и прихожу въ такое состояніе, что кажется, самъ возвращаюсь въ прошедшее, а не въ памяти только вызываю представленіе о минувшихъ, прожитыхъ временахъ. Образъ его тѣмъ сильнѣе напечатлѣлся въ сердцѣ и во всѣхъ моихъ чувствахъ, чѣмъ дальше сталъ отъ моихъ глазъ. И не напрасно разлука съ такимъ превосходнымъ, благочестивымъ человѣкомъ оставила во мнѣ безмѣрное сожалѣніе. Онъ и самъ любилъ меня такъ горячо, что какъ въ нашихъ забавахъ, такъ и въ важныхъ дѣлахъ его желанія были согласны съ моими. Можно было подумать, что въ насъ обоихъ была одна душа. Онъ былъ повѣренный въ моихъ увлеченіяхъ, товарищъ въ заблужденіяхъ, и наконецъ когда я съ разсѣяніемъ мрака перешелъ изъ тьмы невѣденія къ свѣту мудрости и истины,

Октавій въ этомъ дѣлѣ не только не отсталъ отъ меня, но что еще похвальнѣе—опередилъ. Итакъ когда я въ своемъ воспоминаніи переношусь къ времени нашей совокупной дружной жизни, то прежде всего останавливаетъ на себѣ мое вниманіе та бесѣда, которую Октавій велъ однажды съ Цециліемъ, зараженнымъ суевѣріемъ язычества, и которая убѣдительною своею обратила его къ истинной религіи.

II. Для свиданія со мною, а также и по собственнымъ дѣламъ Октавій прибылъ въ Римъ; онъ оставилъ свой домъ, жену и дѣтей — дѣтей, которые находились еще въ невинномъ младенческомъ возрастѣ, когда они начинаютъ только произносить полуслова и ихъ запинаящійся лепетъ имѣетъ столько прелести. Какъ велика была моя радость при встрѣчѣ съ Октавіемъ—этого нельзя выразить словами, тѣмъ болѣе, что ее усиливала самая неожиданность прибытія моего друга. Спустя два дня, которые мы провели во взаимномъ изліяніи дружескихъ чувствъ и въ разказахъ о другъ другъ всего, что случилось съ нами во время нашей разлуки, мы сговорились отправиться въ Остію,—одну прекрасную мѣстность, гдѣ я пользовался морскими купаньями пріятными и благотворными для поправленія моего разстроеннаго здоровья. Послѣ трудовъ по судебнымъ занятіямъ наступила для меня свобода въ пору собиранія винограда: въ это время осень съ пріятною прохладю смѣняла жаркое лѣто. Итакъ на разсвѣтѣ мы отправились гулять по морскому берегу, чтобы подышать свѣжимъ, столь укрѣпляющимъ тѣло воздухомъ и насладиться удовольствіемъ—ходить по мягкому песку, оставлявшему на себѣ слѣды шаговъ. Съ нами былъ Цецилій; на пути онъ замѣтивъ

статую Сераписа, по языческому обыкновению, поднесъ свою руку къ губамъ и напечатлѣлъ на пальцахъ поцѣлуй.

III. Тогда Октавій сказалъ: не хорошо, братъ Маркъ, человекъ, который дома и внѣ дома находится съ тобой неразлучно, оставлять во мракѣ народнаго невѣденія, и допускать, что въ такой прекрасный день онъ преклоняется предъ камнями, которые только обдѣланы въ статуи, облиты благовоніями и украшены вѣнками: ты знаешь, что такое заблужденіе Цецилія относится какъ къ его, такъ не менѣе и къ твоему стыду.—Между тѣмъ какъ такимъ образомъ Октавій говорилъ мнѣ, мы прошли городъ и вышли на открытій морской берегъ. Легкія волны, забѣгавшія на песчаныя края берега, какъ будто углаживали ихъ для прогулки; море всегда волнующееся, даже и во время безвѣтрія, всплескивало на землю если не сѣдыми, пѣнистыми волнами, то легкими, колеблющимися струями; насъ необыкновенно восхищала игра волнъ, когда мы стояли на самой крайнѣ воды: онѣ то приближаясь къ намъ, какъ бы ласкали наши ноги, то убѣгая безъ слѣда скрывались въ морѣ. Такимъ образомъ мы тихо шли по краю немного извилистаго берега, сокращая путь занимательными рассказами. Октавій говорилъ намъ о своемъ плаваніи по морю. Когда мы среди разговора прошли довольно большое пространство, то тою же дорогою отправились въ обратный путь. Достигнувъ того мѣста, гдѣ находились вытянутые на берегъ небольшія суда, висѣвшія на бревнахъ, мы увидѣли мальчиковъ, которые задорясь другъ передъ другомъ бросали на море камешки. Эта игра состоитъ въ томъ, что берутъ на берегу небольшой кругловатый, вылощенный волнами камень; взявши

этотъ камень между палець наклоняются, сколько можно ниже, почти до земли, и бросаютъ его надъ поверхностью воды; камень или скользитъ и катится по водѣ, когда онъ слегка бросается, или же онъ разсѣкаетъ сильныя волны, погружается, и опять подвигается, если ему данъ сильный толчекъ. Побѣда остается за тѣмъ изъ играющихъ, чей камень пролетаетъ большее пространство и чаще выскакиваетъ.

IV. Октавій и я забавлялись такимъ зрѣлищемъ, но Цецилій совершенно не обратилъ вниманія на игры мальчиковъ, не смѣялся при видѣ этого состязанія: молчаливый, смущенный, въ сторонѣ отъ насъ, онъ показывалъ на лицѣ своемъ какой-то печальный видъ.—Что это значитъ? спросилъ я его. Отчего, Цецилій, я не узнаю твоей веселости? Гдѣ эта ясность, которая сіяла въ твоихъ глазахъ даже среди самыхъ серіозныхъ дѣлъ?—Цецилій отвѣчалъ: меня сильно беспокоятъ и колятъ слова Октавія, которыми онъ упрекнулъ тебя въ нерадѣніи, а чрезъ это непрямо, но тѣмъ сильнѣе обвинилъ меня въ невѣжествѣ. Я не хочу на этомъ остановиться: я требую у Октавія объясненія дѣла. Если онъ согласится вступить со мною въ споръ, то узнаетъ, что гораздо легче спорить въ кругу товарищескомъ, нежели разсуждать о предметѣ такъ, какъ разсуждаютъ философы. Сядемъ на каменномъ валу, охраняющемъ купальни и вдающемся въ море, здѣсь можемъ и отдохнуть отъ пути и свободнѣе вести споръ.—Мы сѣли, какъ было сказано; мнѣ предложили занять мѣсто между Октавіемъ и Цециліемъ не ради уваженія или порядка или почета, ибо дружба всегда принимаетъ и почитаетъ всѣхъ на-равнѣ, но чтобы я какъ посредникъ былъ

близко къ тому и другому, удобно слышалъ слова и раздѣлялъ спорящихъ. Тогда Цецилій началъ говорить такимъ образомъ.

V.— Хотя, братъ Маркъ, у тебя не остается никакого сомнѣнія относительно предмета, о которомъ мы споримъ, такъ какъ ты тщательно изслѣдовалъ тотъ и другой родъ жизни и, осудивъ одинъ, одобрилъ другой; но теперь ты долженъ вѣрно держать вѣсы правосудія и не склоняться по пристрастію на одну сторону, чтобы твое рѣшеніе не было дѣломъ твоихъ личныхъ чувствъ, а было основано на доводахъ спорящихъ. Итакъ если ты будешь присутствовать при нашемъ спорѣ какъ будто человѣкъ совершенно новый и чуждый той и другой сторонѣ, то легко будетъ доказать, что здѣсь, въ дѣлахъ человѣческихъ все сомнительно, неизвѣстно, невѣрно и только болѣе вѣроятно, нежели истинно. Не удивительно, что нѣкоторые, не желая трудиться надъ открытіемъ истины, скорѣе соглашаются съ какимъ-нибудь мнѣніемъ, нежели стараются о тщательномъ его изслѣдованіи. Тѣмъ болѣе достойно негодованія или соболѣзнованія то, что нѣкоторые, необразованные, невѣжды, чуждые понятія о самыхъ простыхъ искусствахъ, осмѣливаются разсуждать о сущности вещей и Божествъ, о чемъ въ продолженіе столькихъ вѣковъ спорятъ между собою философы различныхъ школъ. Въ самомъ дѣлѣ, ограниченности человѣческаго ума такъ далеко до познанія Бога, что ему недоступно ни то, что находится надъ нами на небѣ, ни то, что заключено въ глубокихъ вѣдрахъ земли; ему не дано это знать и постигать, и даже нечестиво пытаться проникать въ эти тайны. По справедливости мы могли бы считаться доволь-

но счастливыми, довольно благоразумными, еслибы, слѣдуя древнему изреченію мудреца, больше занимались познаніемъ самихъ себя. Но если предаваясь безмысленному и напрасному труду, мы заходимъ гораздо далѣе, чѣмъ сколько позволяетъ намъ наша ограниченность; если поверженные на землю, переносимся въ своихъ дерзкихъ порывахъ на самое небо, къ самымъ звѣздамъ, то по крайней мѣрѣ къ этому заблужденію не станемъ придумывать еще пустыхъ и страшныхъ призраковъ. Все произошло изъ первоначальныхъ элементовъ, существовавшихъ въ нѣдрѣ природы: какой же тутъ творецъ Богъ? Всѣ части вселенной образовались, расположились одна подлѣ другой и устроились отъ ихъ случайнаго столкновенія: какой же тутъ устроитель Богъ? Огонь зажегъ звѣзды; образовалъ небо изъ своего вещества, утвердилъ землю посредствомъ тяжести, привлекъ въ море жидкости: къ чему же религія, этотъ страхъ предъ божествомъ, это суевѣріе?? Человѣкъ и всякое животное, которое рождается, питается и дышетъ, суть не иное что, какъ произвольное соединеніе элементовъ, на которые какъ человѣкъ такъ и животное опять разрѣшаются, разлагаются и наконецъ исчезаютъ; такимъ образомъ все опять приходитъ къ своему источнику, возвращается къ своимъ началамъ безъ всякаго художника, безъ распорядителя, безъ творца. Соединеніе элементовъ огня производитъ то, что различныя свѣтила всегда сіяютъ надъ землею; вслѣдствіе того, что изъ земли поднимаются испаренія, являются облака; отъ сгущенія свѣхъ послѣднихъ происходятъ тучи; отъ паденія этихъ тучъ идетъ дождь, дуетъ вѣтеръ, падаетъ градъ; отъ столкновенія различныхъ тучъ происходитъ громъ, ударъ и блескъ

молніи. Эти молніи падають во всякомъ мѣстѣ, ударяютъся въ горы, въ деревья; безъ разбора поражаютъ храмы и дома, убиваютъ порочныхъ людей, не щадя часто и благочестивыхъ. Что сказать объ этихъ разнообразныхъ неожиданныхъ явленіяхъ, которые безъ порядка, безъ разбора разрушаютъ теченіе всего существующаго? Во время кораблекрушенія одинакова судьба добрыхъ и злыхъ безъ всякаго разбора заслугъ тѣхъ и другихъ. Въ пожарахъ одинаково погибають невинные и преступные. Когда свирѣпствуетъ въ воздухѣ какая-нибудь губительная зараза, всѣ умирають безъ разбора. Среди неистовствъ войны лучшіе люди погибають скорѣе другихъ. Во время мира порокъ идетъ рядомъ съ добродѣтелью и даже бываетъ въ почетъ; такъ что во многихъ случаяхъ не знаешь, гнушаться ли пороками худыхъ людей или завидовать ихъ счастію. Еслибы міромъ управляли провидѣніе божественное и воля какого-нибудь божества, то никогда бы Фаларисъ и Діонисій не удостоились бы царства, Рутилій и Камиллъ не были бы наказаны ссылкой и Сократъ принужденъ умереть отъ яда. Вотъ покрытые плодами деревья, вотъ созрѣвшій хлѣбъ, спѣлый виноградъ повреждаются дождемъ, побиваются градомъ. Или истина сокрыта во мракѣ неизвѣстности, или же, что всего вѣроятнѣе, всѣмъ управляетъ безъ всякихъ законовъ непостоянный своенравный случай.

VI. Когда такимъ образомъ по всюду встрѣчаешь или рѣшительный случай, или таинственную природу, то не лучше ли всего и почтеннѣе слѣдовать урокамъ предковъ, какъ залогамъ истины, держаться преданной религіи, дочитать боговъ, которыхъ родители внушили бояться прежде, чѣмъ мы ближе узнали ихъ? Не слѣдуетъ намъ разсуждать

о богахъ, а должно вѣрить предкамъ, которые въ вѣкъ еще простой и близкій къ началу міра, удостоились имѣть этихъ боговъ благодѣтелями или царями. Мы видимъ, что во всѣхъ государствахъ, провинціяхъ, городахъ народы имѣютъ свои отдѣльные священные обряды, и почитаютъ своихъ мѣстныхъ боговъ, напр. Элевзинцы Цереру, Фригійцы Цибелу, Эпидавряне Эскулапа, Халдеи Бела, Сирійцы Астарту, Тавряне Діану, Галлы Меркурія, Римляне—всѣхъ этихъ боговъ. Власть и могущество Римлянъ обнимаетъ весь міръ, простирается за предѣлы океана, далѣе путей солнечныхъ,—за то, что они даже на войнѣ показываютъ свою религіозность, укрѣпляютъ города построениемъ храмовъ, учреждениемъ непорочныхъ дѣвъ, предоставленіемъ жрецамъ многихъ почестей; даже осажденные и заключенные въ одномъ Капитоліи, они чтутъ разгнѣванныхъ боговъ, которыхъ иной оставилъ бы давно въ пренебреженіи; безоружные, но вооруженные только благочестіемъ, они проходятъ сквозь войска Галловъ, изумленныхъ ихъ необыкновенной смѣлостію; въ упоеніи побѣды, въ стѣнахъ вражескихъ они преклоняются предъ побѣжденными божествами, ищутъ повсюду чужестранныхъ боговъ и дѣлаютъ ихъ своими, строятъ жертвенники даже неизвѣстнымъ божествамъ. Такимъ образомъ, перенося къ себѣ религіозные культы всѣхъ народовъ, Римъ заслужилъ быть царемъ міра. Отсюда религіозный строй, который непрерывно сохранялся и съ продолженіемъ вѣковъ не умалаясь, но возрасталъ, ибо святость обрядовъ и священныхъ учрежденій тѣмъ болѣе возвышается, чѣмъ они древнѣе.

VII. Впрочемъ, я не боюсь признаться, что если и ошибаюсь, я предпочитаю мое заблужденіе вашему. Не на-

правно наши предки съ такимъ тщаніемъ наблюдали предсказанія авгуровъ, обращались къ гаданіямъ по внутренностямъ животныхъ, воздвигали храмы, устроили жертвенники. Посмотри въ историческіе книги: и ты узнаешь, какъ они совершали священные обряды всѣхъ религій, чтобы возблагодарить боговъ за ихъ милость, или отвратить угрожающій божескій гнѣвъ или умилостивить гнѣвъ, уже постигшій свою яростію и казнями. Слова мои подтверждаютъ—мать боговъ Идея (¹), которая по прибытіи своемъ въ Италію засвидѣтельствовала цѣломудріе одной римской женщины и освободила городъ отъ страха непріятелей; а также статуи, поставленныя въ честь двухъ братьевъ, на берегу озера, какъ они явились, когда на дымящихся и покрытыхъ пѣною коняхъ возвѣстили о побѣдѣ надъ Персеемъ въ тотъ самый день, въ который была одержана побѣда. Свидѣтельствуюсь учрежденіемъ игръ въ честь разгнѣваннаго Юпитера, явившагося во снѣ одному человѣку изъ плебеевъ; свидѣтельствуюсь извѣстнымъ самоотверженіемъ Деціевъ и Курція, бросившагося на своемъ конѣ въ отверстіе глубокой пропасти. А наши презираемые гаданія даже чаще, чѣмъ мы хотѣли, засвидѣтельствовали присутствіе боговъ. Отъ того-то имя рѣки Алліи (²) такъ несчастно; предпріятіе Клавдія и Юнія противъ Кароагенцевъ было нестолько сраженіемъ сколько рѣшительнымъ пораженіемъ. Тразименское озеро обогрилось кровію Римлянъ потому, что Фламиній презрѣлъ га-

(¹) *Идея* (Idaea) есть одно изъ названій Рен Цибелы, матери боговъ.

(²) *Аллія* — небольшая впадающая въ Тибръ рѣчка, гдѣ Римляне потерѣли рѣшительное пораженіе отъ Галловъ въ 390 г. до Р. Хр.

данія авгуровъ. Крассъ за насмѣшки надъ фуріями, заслуживъ ихъ гнѣвъ, заставилъ насъ выручать наши знамена у Парѳянь. Не стану говорить о многочисленныхъ событіяхъ временъ отдаленныхъ, опущу также и пѣсни поэтовъ о рожденіи боговъ, ихъ милостяхъ и благодѣяніяхъ, пройду молчаніемъ и предсказанія оракуловъ, чтобы не показалась вамъ древность слишкомъ баснословною. Обрати вниманіе на храмы и капища, которые служатъ вмѣстѣ и украшеніемъ и огражденіемъ Рима. Онѣ священны болѣе тѣмъ, что въ нихъ присутствуютъ боги туземные или чужестранные, нежели тѣмъ, что они богаты драгоценными украшеніями и дарами. Оттого близкіе къ Богу вдохновенные прорицатели предсказываютъ будущее, предупреждаютъ объ опасностяхъ, подаютъ исцѣленіе больнымъ, надежду удрученнымъ скорбію, помощь бѣднымъ, утѣшеніе несчастнымъ, облегченіе трудящимся. Даже во время покая ночнаго мы видимъ, слышимъ, уздаемъ боговъ, которыхъ днемъ нечестиво отвергаемъ и ложно призываемъ въ клятвахъ.

VIII. Итакъ хотя природа и происхожденіе боговъ неизвѣстны намъ, однако всѣ народы согласно и твердо увѣрены въ ихъ существованіи, такъ, что я не могу выносить такой дерзости, нечестиваго безразсудства тѣхъ людей, которые стали бы отвергать или разрушать религію столь древнюю, столь полезную и спасительную. Пусть Феодоръ Киренскій, или жившій прежде его Диагоръ Мелійскій, которому древность дала прозваніе безбожника, не признавая никакихъ боговъ, пытались разрушить всякое благоговѣніе, всякій страхъ, на которомъ зиждется человѣческое общество; однако тѣ философскія системы, которыя

слѣдуютъ этому нечестивому ученію, никогда не будутъ пользоваться славою и уваженіемъ. Протагоръ Авдеритянинъ болѣе дерзко, чѣмъ нечестиво разсуждавшій о богахъ, былъ Аѳинянами выгнанъ изъ ихъ предѣловъ, а сочиненія его были ими публично преданы соженію. И не должно ли глубоко сожалѣть, —я надѣюсь, что вы позволите мнѣ въ порывѣ негодованія говорить съ большою свободою, —не слѣдуетъ ли сожалѣть о томъ, что дерзко встаютъ противъ боговъ люди жалкой, запрещенной, презрѣнной секты, которые набираютъ въ свое нечестивое общество послѣдователей изъ самой грязи народной, изъ легковѣрныхъ женщинъ, заблуждающихся по легкомыслію своего пола, люди, которые въ ночныхъ собраніяхъ съ своими торжественными постами и безчеловѣчными яствами (²) сходятся не для священныхъ обрядовъ, но для скверностей. Это — люди скрывающіеся, бѣгающіе свѣта, нѣмые въ обществѣ, говорливые въ своихъ убѣжищахъ! Они презираютъ храмы, какъ гробницы боговъ, отвергаютъ боговъ, насмѣхаются надъ священными обрядами; милосердуютъ о бѣдныхъ, если возможно, —сами полунагіе пренебрегаютъ почестями и багрянницами жрецовъ. Удивительная глупость, невѣроятная дерзость! Они презираютъ мученія, которые предъ ихъ глазами, а боятся неизвѣстнаго и будущаго; они не страшатся смерти, но боятся умереть послѣ смерти. Такъ обольщаетъ ихъ обманчивая надежда вновь ожить и заглушаетъ въ нихъ всякій страхъ.

IX. Такъ какъ нечестіе разливается скорѣе при помощи

(²) Разумѣется обвиненіе христіанъ въ яденіи человѣческаго мяса.

все болѣе усиливающагося съ каждымъ днемъ развращенія нравовъ, то ужасныя святилища этого нечестиваго общества умножаются и наполняются по всему міру. Надо его совсѣмъ искоренить, уничтожить. Эти люди узнають другъ друга по особеннымъ тайнымъ знакамъ и питають другъ къ другу любовь, не будучи даже между собою знакомы; вездѣ между ними образуется какая-то какъ бы любовная связь, они называютъ другъ друга безъ разбора братьями и сестрами для того, чтобъ обыкновенное любодѣяніе чрезъ посредство священнаго имени сдѣлать кровосмѣшеніемъ: такъ хвалится пороками ихъ пустое и бессмысленное суевѣріе. Если бы не было въ этомъ правды, то пронизательная молва не приписывала бы имъ столь многихъ и отвратительныхъ злодѣяній. Слышно, что они не знаю по какому нелѣпому убѣжденію почитаютъ голову самаго низкаго животнаго, голову осла (4): религія достойная тѣхъ нравовъ, изъ которыхъ она произошла! Другіе говорятъ что эти люди почитаютъ... своего предстоятеля и священника (5), и благоговѣють какъ бы предъ дѣйствительнымъ своимъ родителемъ. Не знаю, можетъ быть все это ложно, но

---

(4) Обвиненіе христіанъ въ почитаніи головы осла, по словамъ Тертуліана, распространено Тацитомъ, который въ своей исторіи говорилъ объ іудеяхъ, будто іудеи, истомленные жаждою во время странствованія въ пустыняхъ Аравіи, нашли источникъ по указанію ослонъ и за то боготворили осла. Это мнѣніе распространено и на христіанъ, по смѣшенію ихъ съ іудеями. Тертул. Apolog. 16; ad nat. 1, II.

(5) Въ подлинникѣ: *ferunt ipsius antistitis ac sacerdotis colere genitalia*. Поводокъ къ такому обвиненію послужило, вѣроятно, уваженіе къ пастырямъ церкви, какъ духовнымъ отцамъ, цѣлованіе ихъ руки и особенно припаданіе кающихся на колѣна предъ пресвитерами.

подозрѣніе очень оправдывается ихъ тайными, ночными священнослуженіями. Говорятъ также, что они почитаютъ челоуѣка, наказаннаго за злодѣяніе страшнымъ наказаніемъ, и безславное древо креста: значить, они имѣютъ алтари приличные злодѣямъ и разбойникамъ, и почитаютъ то, чего сами заслуживаютъ. То, что говорятъ объ обрядѣ принятія новыхъ членовъ въ ихъ общество, извѣстно всѣмъ и не менѣе ужасно. Говорятъ, что посвящаемому въ ихъ общество предлагается младенецъ, который, чтобъ обмануть неосторожныхъ, покрытъ мукою: и тотъ обманутый видомъ муки, по приглашенію сдѣлать будто невинные удары, наноситъ глубокія раны, которыя умерщвляютъ младенца, и тогда, — о нечестіе! присутствующіе съ жадностію пьютъ его кровь и раздѣляютъ между собою его члены. Вотъ какою жертвою скрѣпляется ихъ союзъ другъ съ другомъ, и сознание такого злодѣянія обязываетъ ихъ къ взаимному молчанію. Такія священнодѣйствія ужаснѣе всякихъ поруганій святыни. А ихъ вечера извѣстны; объ этомъ говорятъ всѣ, объ этомъ свидѣтельствуетъ рѣчь нашего Циртинскаго оратора (*). Въ день солнца они собираются для общей вечери со всѣми дѣтьми, сестрами, матерями, безъ различія пола и возраста. Когда послѣ различныхъ яствъ пиръ разгорится и вино воспла-

---

(*). Т. е. Корнелія Фронтоня, который былъ родомъ изъ Цирты въ Нумидіи и написалъ сочиненіе противъ христіанъ. Онъ былъ преподавателемъ латинской словесности у Марка Антонина и Луція Вера. Его сочиненія недавно стали извѣстны, послѣ того какъ кардиналъ Май, открывшій ихъ въ Амвросіанской библіотекѣ, издалъ въ свѣтъ подъ заглавіемъ *Corn. Frontonis opera inedita cum epistolis item ineditis Antonini pii, M. Avrelii, L. Veri et Appiani.* г. Но здѣсь нѣтъ рѣчи противъ христіанъ.

ментъ въ нихъ жаръ любострастія, то собакѣ, привязанной къ подевѣчнику, бросаютъ кусокъ мяса на разстояніи большемъ, чѣмъ длина веревки, которою она привязана: собака, рвалувшись и сдѣлавъ прыжокъ, роняетъ и гаситъ свѣтильникъ. . . . (7) Такимъ образомъ все они, если не самымъ дѣломъ, то въ совѣсти дѣлаются кровосмѣсниками, потому что все участвуютъ желаніемъ своимъ въ томъ, что можетъ случиться въ дѣйствіи того или другаго.

Х. О многомъ я умалчиваю; потому что очень довольно уже и сказаннаго, а истинность всего или по крайней мѣрѣ большей части этого доказывается самою таинственностію этой развратной религіи. Въ самомъ дѣлѣ, для чего же они всячески стараются скрывать и дѣлать тайною для другихъ то, что они почитаютъ, когда похвальные дѣла совершаются обыкновенно открыто, и скрываются только дѣла преступныя? Почему они не имѣютъ никакихъ храмовъ, никакихъ жертвенниковъ, ни общепринятыхъ изображеній? Почему они не осмѣливаются открыто говорить и свободно дѣлать свои собранія если не потому, что то, что они почитаютъ и такъ тщательно скрываютъ, достойно наказанія или постыдно? Да и откуда, что такое и гдѣ этотъ Богъ, единый, одинокій, пустынный, котораго не знаютъ ни одинъ свободный народъ, ни одно государство, или по крайней мѣрѣ римская набожность? Только одинъ несчастный народъ іудейскій почиталъ единаго Бога, но и то открыто,—имѣя храмы, жертвенники, священные обряды и жертвоприношенія, впрочемъ и этотъ Богъ не имѣлъ ни какой силы и мо-

(7) Въ латинскомъ подлинникѣ читается: *impudentibus tenebris nexus infandae cupiditatis involvunt per incertum sortis.*

гущества такъ, что былъ вмѣстѣ съ своимъ народомъ покоренъ Римлянами. А какія диковины, какія странности выдумываютъ христіане! Они говорятъ, что ихъ Богъ, котораго они не могутъ ни видѣть, ни другимъ показать, тщательно слѣдитъ за нравами всѣхъ людей, дѣлами, словами и даже тайными помышленіями каждаго человѣка, всюду проникаетъ и вездѣ присутствуетъ; такимъ образомъ они представляютъ его постоянно безпокойнымъ, озабоченнымъ и безстыдно любопытнымъ, ибо онъ присутствуетъ при всякихъ дѣлахъ, находится во всякихъ мѣстахъ, и оттого занятый всѣмъ міромъ не можетъ обнимать его частей или развлеченный частями, обращать вниманіе на цѣлое. Но это еще не все: христіане угрожаютъ землѣ и всему міру съ его свѣтилами сожженіемъ, предсказываютъ его разрушеніе, какъ будто вѣчный порядокъ природы установленный божескими законами можетъ превратиться, связь всѣхъ элементовъ и составъ неба разрушиться, и громадный міръ, такъ крѣпко сплоченный, испровергнуться...

XI. Недовольствуясь этимъ нелѣпымъ мнѣніемъ, они прибавляютъ и другія старушечьи басни: говорятъ, что послѣ смерти опять возродятся къ жизни изъ пепла и праха; и съ непонятною увѣренностію принимаютъ эту ложь; подумаешь, что они уже въ самомъ дѣлѣ воскресли. Двойное зло, двойное безуміе! Небу и звѣздамъ, которыя мы оставляемъ въ такомъ же видѣ, въ какомъ ихъ находимъ, они предвѣщаютъ уничтоженіе, себѣ же—людямъ умершимъ, разрушившимся, которые какъ рождаются такъ и умираютъ, обѣщаютъ вѣчное существованіе. По этой-то причинѣ они гнушаются костровъ для сожиганія мертвыхъ и осуждаютъ такой обычай погребенія; какъ будто тѣло,

если не будетъ предано огню, чрезъ нѣсколько лѣтъ не разложится въ землѣ само собою; и не все ли равно звѣри ли разорвутъ тѣло, или море поглотитъ его, въ землѣ ли сгнѣтъ оно, или сдѣлается жертвою огня? Всякое погребеніе для тѣлъ, если они чувствуютъ, есть мученіе, а если не чувствуютъ, то самая скорость истребленія ихъ полезна. Вслѣдствіе такого заблужденія, они себѣ однимъ какъ добрымъ обѣщаютъ блаженную и вѣчную жизнь по смерти, а прочимъ, какъ нечестивымъ, вѣчное мученіе. Многое могъ бы я прибавить къ этому, если бы не спѣшилъ окончить мою рѣчь. Нечестивцы они сами, — объ этомъ я уже говорилъ и больше не стану. Но если бы даже я призналъ ихъ праведниками, то по мнѣнію большинства, судьба дѣлаетъ человѣка или добрымъ или порочнымъ; въ этомъ и вы согласитесь со мною. Ибо дѣйствія человѣческія, которыя другіе относятъ къ судьбѣ, вы приписываете Богу; такъ послѣдователями вашего ученія дѣлаются не всѣ люди произвольно, но только избранные Богомъ; слѣдовательно вы дѣлаете изъ Бога несправедливаго судью, который наказываетъ въ людяхъ дѣло жребія, а не воли. Однако я желалъ бы знать, безъ тѣла или съ тѣломъ и съ какимъ—новымъ или прежнимъ воскреснетъ каждый изъ васъ? Безъ тѣла? Но безъ него сколько я знаю, нѣтъ ума, ни души, нѣтъ жизни. Съ прежнимъ тѣломъ? Но оно давно разрушилось въ землѣ. Съ новымъ тѣломъ? Въ такомъ случаѣ рождается новый человѣкъ, а не прежній возстановляется. Но вотъ уже прошло столько времени, протекли безчисленные вѣка, а ни одинъ изъ умершихъ не возвратился изъ преисподней, даже наподобіе Протезилая хотя бы на нѣсколько часовъ,

только для того, чтобы дать вамъ убѣдительный примѣръ воскресенія. Все это не иное что, какъ вымыслы разстроеннаго ума, нелѣпыя мечты, облеченныя лживыми поэтами въ прелестные стихи; а вы легковѣрные не постыдились приписать вашему Богу.

ХИ. Вы не пользуетесь опытомъ настоящаго, чтобы убѣдиться въ обманчивости своихъ напрасныхъ надеждъ; подумайте, несчастные, пока еще живете, о томъ, что можете ожидать васъ по смерти. Большая часть изъ васъ, притомъ лучшая, какъ вы говорите, терпитъ бѣдность, страдаетъ отъ холода и голода, обременена тяжкимъ трудомъ, и вотъ Богъ допускаетъ это или будто не замѣчаетъ: Онъ не хочетъ или же не можетъ помочь вамъ; значитъ, Онъ слабъ или несправедливъ. Не чувствуешь ли ты, мечтающій о будущей жизни послѣ смерти, своего положенія, когда тебя угнѣтаютъ бѣдствія, жжетъ лихорадка, терзаетъ какая-нибудь скорбь? Не чувствуешь ли тогда своей брениности? Несчастный, все обличаетъ тебя невольно въ твоей слабости, и ты не признаешься. Но оставимъ говорить объ общихъ бѣдствіяхъ. Вотъ предъ вами угрозы, пытки, казни, и кресты, приготовленные уже не для того чтобы вы имъ поклонялись, а для вашего распятія, огни, о которыхъ вы пророчите и которыхъ вмѣстѣ боитесь: гдѣ же тотъ Богъ, который не оказываетъ помощи живымъ, а помогаетъ умершимъ возвратиться къ жизни? И не безъ вашего ли Бога Римляне достигли власти и господства надъ всѣмъ міромъ¹ и надъ вами самими? Вы же между прочимъ, удрученные заботами и безпокойствомъ, чуждаетесь даже благопристойныхъ удовольствій, не посѣщаете зрѣлищъ, не присутствуете на праздникахъ

нашихъ, не участвуете въ общественныхъ пиршествахъ, гнушаетесь священныхъ игръ, жертвенныхъ яствъ и вина. Такъ вы отвергаете нашихъ боговъ и вмѣстѣ боитесь ихъ. Вы не украшаете своихъ головъ цвѣтами, не умащаете тѣла благовоніями,—вы бережете умащенія для погребенія мертвыхъ,—вы даже не украшаете вѣнками гробницъ: всегда блѣдные и запуганные, достойные жалости, впрочемъ со стороны нашихъ боговъ. Несчастные, вы и здѣсь не живете и тамъ не воскреснете. Но если въ васъ есть хоть нѣсколько здраваго смысла и благоразумія, перестаньте изслѣдовать тайны и законы вселенной, оставьте небесныя сферы; довольно для васъ, людей грубыхъ, невѣжественныхъ, необразованныхъ, и того, что находится подъ вашими ногами; кто не имѣетъ способности понимать земное, человѣческое, тому тѣмъ болѣе не должно изслѣдовать божеское.

XIII. Если же у васъ есть страсть къ философствованію, то пусть каждый подражаетъ, сколько можно, Сократу первому изъ мудрецовъ. Когда этому мужу предлагали вопросы о небесномъ, то онъ обыкновенно отвѣчалъ такъ: «что выше насъ, то не касается насъ» (8). По справедливости оракулъ засвидѣтельствовалъ превосходную мудрость Сократа, и Сократъ самъ чувствовалъ, что если онъ превознесенъ предъ всѣми, то не потому, чтобъ онъ зналъ все, а потому, что позналъ, что не знаетъ ничего. Итакъ въ признаніи невѣдѣнія заключается величайшая мудрость. Отсюда и получило свое начало умѣренное сомнѣніе Архезилая, Карнеада и очень многихъ академиковъ, относительно высшихъ вопросовъ. Тамою

(8) Объ этомъ изреченіи Сократа упоминаютъ Лактанцій (lib. III, с. 19) и Иеронимъ (Apol. adv. Rufin. 8). Сн. Ксеноф. Memorabil.

образъ философствованія безопасенъ для неученыхъ и сла-
венъ для ученыхъ. Что же? Осторожность Симонида Ми-
летскаго не достойна ли нашего удивленія и подражанія?
Когда тиранъ Геронъ спрашивалъ этого философа, что и
какъ онъ думаетъ о богахъ, то Симонидъ сперва потре-
бовалъ у него день на размышленіе, по прошествіи дня
онъ выпросилъ два дня, потомъ еще два дня; когда же на-
конецъ Геронъ хотѣлъ узнать причину такой медленности;
Симонидъ сказалъ, что чѣмъ далѣе онъ предавался раз-
мышленію, тѣмъ темнѣе становилась для него истина. И
по моему мнѣнію, должно оставлять все сомнительное
такъ, какъ оно есть; и, послѣ того какъ столько и такіе
великіе люди остаются въ сомнѣніи, не должно дерзко и
безразсудно бросаться съ своимъ мнѣніемъ въ другую сто-
рону, чтобы не ввести нелѣпыхъ басенъ или не уничто-
жить всякой религіи.

XIV. Такъ говорилъ Цецилій, и улыбаясь, — потому что
вылившаяся его рѣчь охладила жаръ его негодованія —
присовокупилъ: что на мои слова осмѣлится сказать Ок-
тавій изъ поколѣнія Плавта ⁽⁹⁾, первый изъ хлѣбпе-
ковъ ⁽¹⁰⁾ и послѣдній изъ философвъ? — Погоди торжество-
вать, сказалъ я ему, надъ Октавіемъ. Не должно тебѣ ли-
ковать своимъ краснорѣчіемъ прежде, нежели скажетъ
свою рѣчь и тотъ и другой изъ спорящихъ, тѣмъ болѣе
что вашъ споръ идетъ не о славѣ, а объ истинѣ. Твоя
рѣчь живая и разнообразная весьма понравилась мнѣ, но

⁽⁹⁾ Намекъ на то, что Октавій задѣлъ Цецилія своимъ замѣчаніемъ
на его привѣтствіе предъ статуей Сераписа.

⁽¹⁰⁾ Намекъ на простоту христіанъ, которые по большей части были
люди неученые, ремесленники и т. п.

меня занимают другія соображенія не о настоящемъ именно спорѣ, но вообще объ образѣ разсужденія, ибо отъ таланта спорящихъ, отъ ихъ краснорѣчія часто измѣняется положеніе самой очевидной истины. Это случается, какъ извѣстно, вслѣдствіе легкомыслія слушающихъ, которые красотой словъ отвлекаются отъ разбора самого дѣла и безъ разсужденія соглашаются со всѣмъ сказаннымъ: они не могутъ отличить ложь отъ истинны, не зная, что и въ невѣроятномъ бываетъ истина, и въ вѣроятномъ находится ложь. Чѣмъ чаще приходится имъ вѣрить словамъ другихъ, тѣмъ легче они поддаются вліянію ловкихъ людей: такъ они постоянно обманываются по своему безразсудству. вмѣсто того, чтобъ обвинять въ этомъ слабость своего сужденія, они жалуется на то, что все невѣрно, и осуждая все, готовы скорѣе все отвергнуть, чѣмъ разсуждать о предметахъ спорныхъ. Итакъ намъ нужно остерегаться, чтобы не питать ненависти ко всѣмъ разсужденіямъ, какъ бываетъ со многими простыми людьми, которые доходятъ до отвращенія и ненависти ко всѣмъ людямъ. Люди слишкомъ довѣрчивые попадаютъ въ ловушку тѣмъ, которые имъ кажутся хорошими людьми, потомъ узнавъ такую ошибку, они становятся подозрительными ко всѣмъ, и боятся даже, какъ худыхъ людей, тѣхъ, кого могли бы считать весьма хорошими людьми. Такъ какъ во всякомъ спорномъ дѣлѣ встрѣчаются два обстоятельства: съ одной стороны истина по большей части бываетъ темна, а съ другой удивительная тонкость рѣчи при обиліи словъ принимаетъ видъ основательнаго доказательства, то мы будемъ внимательны и по возможности тщательно взвѣсимъ то и другое для того, чтобы хотя и пох-

валить искусство, но избрать, одобрить и принять только истину.

XV. — Ты, сказалъ мнѣ Цецилій, не исполняешь долга справедливаго судьи. Мнѣ очень обидно, что при началѣ важнаго спора ты подрываешь силу моей рѣчи, между тѣмъ какъ Октавій готовится только говорить. — Если онъ можетъ, отвѣчалъ я, пусть обдумываетъ ее; но замѣчанія, за которыя меня упрекаетъ, я предложилъ для общей пользы, если не ошибаюсь, — для того, чтобы по тщательномъ испытаніи произнести приговоръ, основываясь не на красотѣ рѣчи, но на твердости самого дѣла. Но не слѣдуетъ долѣе развлекать вниманіе твоею жалобою, а нужно въ совершенномъ молчаніи выслушать отвѣтъ нашего Октавія, который уже съ нетерпѣніемъ ждетъ своей очереди.

XVI. — Я буду говорить, началъ Октавій, сколько мнѣ позволяютъ силы; ты же долженъ соединиться со мной для того, чтобы правдивыми словами, какъ чистою водою, смыть черныя пятна поруганій на насъ. Я не скрою, что еще съ самаго начала была мнѣ замѣтна неопредѣленность и шаткость въ мнѣніяхъ любезнаго Цецилія, такъ, что трудно рѣшить, затмилась ли твоя ученость или она пошатнулась вслѣдствіе заблужденія. То онъ говорилъ, что вѣрить въ боговъ, то выражалъ сомнѣніе о нихъ, такъ что неопредѣленность его положенія не даетъ твердой опоры для моего отвѣта. Я не вѣрю, и не хочу думать, что бы мой Цецилій позволилъ себѣ это съ лукавымъ намѣреніемъ: простота его характера не мирится съ такою хитростію. Что же? Какъ незнающій истинной дороги останавливается въ недоумѣніи тамъ, гдѣ одна дорога развѣтляется на многія, и не рѣшается ни признать всѣ вѣрны-

ми, ни выбрать какую-нибудь одну; такъ немнѣющій твердаго сужденія объ истинѣ развлекается и колеблется въ своихъ мысляхъ, когда въ немъ посѣяно сомнѣніе. И насколько не удивительно, что Цецилій часто впадаетъ въ противорѣчія, и колеблется между мнѣніями противоположными одно другому. Чтобы этого болѣе не было, я постараюсь его убѣдить и опровергнуть все его слова, какъ ни многообразны они. Какъ скоро будетъ утверждена и доказана одна истина, то не будетъ мѣста сомнѣнію и колебаніямъ относительно прочихъ. Мой братъ высказалъ, что ему противно, возмутительно и больно то, что неученые, бѣдные, неискусные (христиане) берутся разсуждать о вещахъ небесныхъ; но онъ долженъ бы подумать, что все люди, безъ различія возраста, пола и состоянія, созданы разумными и способными понимать, и что они не получили мудрость, какъ даръ счастія, но носятъ ее въ себѣ, какъ даръ природы; что даже мудрецы или тѣ, которые сдѣлались извѣстными, какъ изобрѣтатели искусствъ, прежде чѣмъ пріобрѣли себѣ славное имя своимъ талантомъ, считались людьми необразованными, неучеными, полунагими; что богатые, привязанные къ своимъ сокровищамъ, привыкли больше смотрѣть на свое золото, чѣмъ на небо, а наши въ своей бѣдности нашли истинное познаніе и научили другихъ. Отсюда видно, что умственные дарованія не достаются по богатству, не пріобрѣтаются чрезъ прилежаніе, а рождаются вмѣстѣ съ происхожденіемъ самого духа. Посему нѣтъ ничего возмутительнаго или прискорбнаго въ томъ, что каждый занимается изслѣдованіемъ вещей божественныхъ, образуетъ свои мнѣнія и высказываетъ ихъ, такъ какъ дѣло состоитъ не въ

достоинствѣ изслѣдующихъ, а въ истинѣ изслѣдованія. Далѣе, чѣмъ безъискусственнѣ рѣчь, тѣмъ яснѣе доказательство, потому что оно не подкрашено блестящимъ краснорѣчіемъ и прелестію слова, но представлено въ своей естественной формѣ по руководству истины.

XVII. Я вовсе не думаю противорѣчить Цицілю, который прежде всего старался показать, что человекъ долженъ познать себя и изслѣдовать—что онъ такое, откуда и почему произошелъ: сложился ли изъ элементовъ, или произошелъ отъ сцѣпленія атомовъ, или всего лучше—онъ сотворенъ, образованъ и получилъ душу отъ Бога? Но мы не можемъ изслѣдовать и познать человека, не изслѣдуя всей совокупности предметовъ, потому что все такъ связано и находится въ такомъ единствѣ и сцѣпленіи, что если мы тщательно не изслѣдуемъ божественной природы, то не поймемъ человѣческой, точно также какъ не можешь быть хорошимъ дѣятелемъ на гражданскомъ поприщѣ, если вполнѣ не узнаешь этого общаго всѣмъ гражданства міра. Притомъ же главнымъ образомъ мы отличаемся отъ животныхъ тѣмъ, что они, наклоненные и обращенные къ землѣ, не способны видѣть ничего другаго кромѣ пищи; между тѣмъ какъ мы, имѣя лице обращенное впередъ, и взоръ устремленный на небо, и будучи одарены способностію говорить и умомъ, посредствомъ котораго мы познаемъ Бога, чувствуемъ Его и подражаемъ Ему,—мы не должны, не можемъ не звать небесной красоты, такъ поражающей наши глаза и всѣ чувства. Искать на землѣ того, что должно находить на высотѣ небесной, это самое оскорбительное святотатство. Тѣ люди, которые думаютъ, что весь этотъ благоустроенный

міръ не божественнымъ Разумомъ созданъ, а составилъ изъ извѣстныхъ частей, соединившихся между собою безъ всякой цѣли, — тѣ не имѣютъ, мнѣ кажется, ни разума, ни мысли, ни даже глазъ. Въ самомъ дѣлѣ если только поднимешь взоры на небо и размотришь то, что подъ нимъ и на немъ, то можетъ ли быть что-нибудь яснѣе и достовѣрнѣе той истины, что есть нѣкоторое Существо превосходнѣйшаго разума, которое проникаетъ, движетъ, сохраняетъ и направляетъ всю природу. Посмотри на самое небо. Какъ широко оно раскинулось! Какое быстрое движеніе совершается тамъ! Посмотри на него ночью, когда оно испещрено звѣздами, или днемъ, когда оно сіяетъ яркими лучами солнца, и ты узнаешь, въ какомъ удивительномъ, божественномъ равновѣсіи держитъ его Верховный Управитель. Обрати вниманіе на то, какъ отъ движенія солнца происходитъ годъ, и какъ луна, то прибывая, то убывая, измѣряетъ мѣсяцы. Говорить ли о постоянной смѣнѣ дня и ночи, которая назначаетъ намъ время для труда и отдыха? Но предоставимъ астрономамъ подробнѣе сказать о звѣздахъ, какъ онѣ управляютъ движеніями мореплавателей или опредѣляютъ время сѣянія и жатвы: все это не только не могло произойти, образоваться и придти въ порядокъ безъ верховнаго Художника, безъ совершеннѣйшаго Разума, но даже не можетъ быть воспринято, изслѣдовано и постигнуто безъ величайшаго усилія и дѣятельности разума. Что я скажу о столь правильно совершающихся перемѣнахъ временъ года и плодовъ? Не указываютъ ли намъ на своего Виновника весна съ своими цвѣтами, лѣто съ своими жатвами, осень съ спѣлыми и црїятными плодами и зима, изобилующая олива-

ми? Легко разстроился бы такой порядокъ, если бы не поддерживался высшимъ Разумомъ. А какая предусмотрительность видна въ томъ, что даны намъ весна и осень съ своей средней температурой, чтобы зима не томила насъ только своимъ холодомъ и лѣто не палило своимъ жаромъ, и что незамѣтны и нечувствительны переходы изъ одного времени года въ другое! Обрати свое вниманіе на море—оно ограничивается закономъ берега! Посмотри, какъ всѣ растенія получаютъ свою жизнь изъ внутренней земли. Посмотри на вѣчно волнующійся океанъ, на эти всегда струящіеся источники, на эти рѣки, никогда не останавливающіяся въ своемъ теченіи. Что сказать объ этихъ правильно расположенныхъ возвышеніяхъ горъ, объ извилинахъ холмовъ, объ обширномъ протяженіи равнинъ? Что сказать о разнообразіи защиты животныхъ другъ противъ друга? Одни изъ нихъ вооружены рогами, другіе снабжены острыми зубами, третьи защищены копытами, четвертые имѣютъ острое жало, одни укрываются скоростью своего бѣга, другіе быстротою подета! Особенно же въ красотѣ нашего образа открывается, что Богъ есть художникъ: прямое положеніе, взоръ устремленный къ верху, глаза помѣщенные высоко какъ бы на сторожевой башнѣ и всѣ прочія чувства, расположенныя какъ бы въ укрѣпленіи.

XVIII. Но не будемъ останавливаться на частностяхъ; вообще должно сказать, что въ человѣческомъ составѣ нѣтъ ни одного члена, который не удовлетворялъ бы какой-либо нуждѣ и не служилъ бы къ украшенію, и, что всего удивительнѣе, при общемъ у всѣхъ насъ видѣ, каждый имѣетъ нѣкоторыя отличительныя черты. Такимъ

образомъ всѣ мы и похожи другъ на друга, и вмѣстѣ отличаемся одинъ отъ другаго. Что же сказать объ образѣ рожденія, о любви къ чадородію? Не вложено ли это Богомъ? Груды женщины съ приближеніемъ времени рожденія наполняются молокомъ, и какъ младенецъ въ утробѣ созрѣваетъ по мѣрѣ накопленія молока! Богъ печется не о цѣломъ только, но и о частяхъ. Напримѣръ Британія имѣетъ недостатокъ въ солнцѣ, но зато согрѣвается теплотою моря, окружившаго ее со всѣхъ сторонъ; рѣка Ниль умѣряетъ сухость Египта; Евфратъ удобряетъ почву Месопотаміи; Индъ, говорятъ, увлажняетъ и дѣлаетъ плодородными страны Востока. Когда ты при входѣ въ какой-нибудь домъ видишь по всюду вкусъ, порядокъ, красоту, то конечно подумаешь, что имъ управляетъ хозяинъ и что онъ гораздо превосходнѣе, чѣмъ всѣ эти блага; подумай же, что и въ домѣ этого міра, когда смотришь на небо и на землю и находишь въ нихъ промышленіе, порядокъ и законъ—есть Господь и Отецъ всего, Который прекраснѣе самыхъ звѣздъ и частей всего міра. А когда нельзя сомнѣваться въ Провидѣніи, ты долженъ же изслѣдовать, управляется ли небесное царство властію одного или произволомъ многихъ. И этотъ вопросъ не трудно уяснить, когда размыслишь о земныхъ царствахъ, которыя суть образы небеснаго. Гдѣ царствованіе многихъ соправителей начиналось вѣрностію и кончилось безъ кровопролитія? Не говорю о Персахъ, по ржанію коней гадающихъ о власти, и опускаю баснословный разговоръ о братьяхъ Фивянахъ; весьма извѣстна исторія о двухъ близнецахъ, спорившихъ о томъ, кому изъ нихъ владѣть хижиной и пастиухами; всѣмъ также извѣстны войны между зятемъ и

тестемъ; удѣлъ столь обширной власти былъ слишкомъ малъ для двоихъ. Далѣе, посмотри: одинъ царь у пчель, одинъ вожатый у овецъ, одинъ предводитель у стада. Ужели же ты думаешь, что на небѣ раздѣлена верховная власть и раздроблено полномочіе этого истиннаго и безжественнаго господства? Очевидно, что Богъ, Отецъ всѣхъ вещей, не имѣетъ ни начала ни конца; всему давая начало, Онъ Самъ вѣченъ; Онъ былъ прежде міра, Самъ будучи для себя міромъ. Онъ несущее вызвалъ къ бытію Своимъ Словомъ, привелъ въ порядокъ Своимъ разумомъ, совершилъ Своею силой. Его нельзя видѣть, Онъ слишкомъ величественъ; Его нельзя осязать, Онъ слишкомъ тонокъ, Его нельзя измѣрить, Онъ выше чувствъ, безконеченъ, неизмѣримъ и во всемъ своемъ величїи извѣстенъ только Самому Себѣ; наше же сердце слишкомъ тѣсно для такого познанія, и потому мы тогда только Его оцѣниваемъ достойно, когда называемъ Его неоцѣненнымъ. Я скажу, какъ я думаю: кто мнитъ познать величіе Божіе, тотъ умаляетъ Его, а кто не хочетъ умалять Его, тотъ не знаетъ Его. И не ищи другаго имени для Бога: Богъ—Его имя. Тогда нужны слова, когда надо множество боговъ разграничить отдѣльными для каждаго изъ нихъ собственными именами. А для Бога Единаго имя Богъ—выражаетъ все. Если я назову Его отцемъ, ты будешь представлять Его земнымъ, если назову царемъ, тыобразишь Его плотскимъ; если назову господиномъ, ты будешь о Немъ думать, какъ о смертномъ. Но откинь въ сторону всѣ прибавленія именъ и увидишь Его славу. И не на моей ли сторонѣ всеобщее согласіе? Я слышу, какъ народъ простирая руки къ небу, никакого другаго имени не

употребляетъ, кромѣ «Бога», говорить: «великъ Богъ, Богъ истиненъ, если Богу угодно». Что это—естественная рѣчь народа или слово вѣрующаго христіанина? И тѣ, которые хотятъ имѣть верховнымъ владыкою Юпитера, заблуждаются только касательно имени, но они согласны съ нами о единствѣ власти. Поэты также прославляютъ «единого Отца боговъ и людей» и говорятъ, что «такова душа у смертныхъ, какую создалъ ее Отець всего».

XIX. Что можетъ быть яснѣе и справедливѣе словъ Мантуанскаго поэта Марона, который говоритъ, что изначала разумъ приводитъ въ движеніе и духъ животворить небо и землю и остальные части міра; отсюда произошелъ человѣческій родъ, всѣ породы скота и всѣ прочія животныя. Потомъ въ другомъ мѣстѣ онъ этотъ разумъ и духъ называетъ Богомъ. Вотъ собственныя его слова: Богъ проникаетъ всюду на землѣ, въ морѣ и въ глубинѣ небесной. Отъ Него получаютъ бытіе и люди, и животныя, отъ Него огонь и дождь». Не такъ же ли точно и мы называемъ Бога Умомъ, Разумомъ, Духомъ? Пересмотримъ, если угодно, ученія философовъ, и мы увидимъ, что всѣ они, хотя въ различныхъ словахъ, но на самомъ дѣлѣ выражаютъ одну и ту же мысль. Я опущу тѣхъ простыхъ и древнихъ мужей, которые за свои изреченія заслужили названіе мудрецовъ. Начну съ Thalеса Милетскаго, который первый изъ всѣхъ началъ разсуждать о вещахъ небесныхъ. Онъ считалъ воду началомъ вещей, а Бога тѣмъ Разумомъ, который образовалъ изъ воды все существующее. Мысль о водѣ и духѣ слишкомъ глубокая и возвышенная, чтобы могла быть изобрѣтена человѣкомъ, — она предана отъ Бога. Видишь, какъ мысль этого древнѣйшаго фило-

софа совершенно согласна съ нами. Далѣ Анаксименъ и послѣ Діогенъ Аполонійскій Бога считали воздухомъ безконечнымъ и неизмѣримымъ. И мнѣніе этихъ философовъ о божествѣ похоже на наше. Анаксагоръ представляетъ Бога безконечнымъ Умомъ. По Пифагору Богъ, есть духъ разлитый во всей природѣ, отъ котораго получаютъ жизнь всѣ животныя. Извѣстно, что Ксенофанъ считалъ Бога безконечнымъ, имѣющимъ разумъ; а Антисоенъ говорилъ, что хотя много народныхъ боговъ, но собственно главный Богъ одинъ. Спевзиппъ признавалъ Бога одушевляющею силою, которая управляетъ всѣмъ міромъ. Что же Демокритъ? Хотя онъ первый изобрѣлъ ученіе объ атомахъ, однако и онъ не называетъ ли Богомъ природу, посылающую образы предметовъ, и умъ, ихъ воспріемлющій? Стратонъ также называетъ природу Богомъ; и Эникуръ, который представлялъ боговъ праздными, или вовсе не признавалъ ихъ бытіе, поставляетъ однако выше всего природу. Аристотель, хотя говорилъ различно, однако всегда держался мнѣнія о единой власти; ибо онъ называлъ Бога то разумомъ, то міромъ, или же подчинялъ міръ Богу. Гераклитъ Понтійскій также приписывалъ Богу высшій разумъ. Теофрастъ, Зенонъ, Хризиппъ и Клеанѣъ, хотя расходились между собою въ мнѣніяхъ, однако единогласно признаютъ единство Провидѣнія. Клеанѣъ называлъ божество то умомъ, то духомъ, то эфиромъ, то разумомъ. Наставникъ его Зенонъ говоритъ, что начало всего есть естественный и божественный законъ, называемый то эфиромъ, то разумомъ. И когда онъ говоритъ, что Юнона есть воздухъ, Юпитеръ—небо, Нептунъ—море, Вулканъ — огонь, и прочихъ боговъ подобнымъ образомъ возводитъ къ элементамъ, то обличаетъ и сильно подрываетъ

общее заблужденіе. Точно также почти Хризиппъ считалъ Богомъ то разумную природу, то міръ, то неизбѣжную судьбу; онъ подражалъ Зенону, и въ фізіологическомъ изъясненіи пѣсней Гезіода, Гомера и Орфея. У Діогена Вавилонскаго мы находимъ цѣлую систему для изъясненія рожденія Юпитера, происхожденія Минервы и прочихъ, — и выходитъ, что это — имена вещей, а не боговъ. Ученикъ Сократа Ксенофонтъ говорилъ, что образъ бытія истиннаго Бога для насъ недоступенъ и что посему недолжно стараться его познать. Аристонъ Хиосскій училъ, что Богъ непостижимъ. Оба они чувствовали величіе Божіе въ самомъ отчаяніи понять Его. Платонъ гораздо яснѣе и по содержанию и по выраженію изложилъ свое ученіе о божествѣ, и его можно было бы принять за небесное, еслибы только оно не было омрачено примѣсю народныхъ убѣжденій. Такъ въ Тимеѣ Платонъ говоритъ, что Богъ по своему своему имени есть отецъ всего міра, творецъ души, создатель неба и земли; что Его трудно познать по Его необъятному и безпредѣльному могуществу, и если познаешь Его, невозможно то высказать публично. Это ученіе весьма сходно съ нашимъ; ибо и мы признаемъ Бога, и называемъ Его отцомъ всего и никогда не говоримъ о Немъ публично, развѣ только когда насъ спрашиваютъ о Немъ.

XX. Я изложилъ мнѣнія почти всѣхъ философовъ, которыхъ лучшая слава въ томъ, что они хотя, различными именами, указывали единаго Бога, такъ-что иной подумаетъ, что или вышшіе христіане философы, или философы были уже тогда христіанами. Если же міръ управляется Провидѣніемъ и ведется волею единаго Бога, то

мамъ не должно впадать въ общее заблужденіе, и слѣдовать невѣжеству древнихъ, увлеченныхъ своими баснями, ибо оно опровергнуто мнѣніями ихъ же собственныхъ философовъ, которымъ принадлежитъ авторитетъ и древности и разумности. Наши предки были такъ легковѣрны, что безрасудно вѣрили разнымъ страннымъ выдумкамъ, каковы—Сцилла съ многими тѣлами, Химера въ различныхъ формахъ, Гидра возраждающаяся отъ нанесенныхъ ранъ, Центавры—смѣсь человѣка съ лошадыю; вообще, что угодно было выдумать молвѣ, то наши предки охотно-слушали. Что же сказать о нелѣпыхъ басняхъ—о превращеніяхъ людей въ птицъ и звѣрей, въ деревья и цвѣты: еслибъ это было когда-нибудь, то случилось бы и теперь, а такъ какъ это не можетъ быть, то значитъ, никогда и не было. Подобную же неразборчивость, легковѣріе и невѣжественную простоту наши предки оказали и въ принятіи боговъ: они воздавали благоговѣйное почтеніе своимъ царямъ, желали видѣть ихъ въ изображеніяхъ, старались увѣковѣчить ихъ память посредствомъ статуй; и что было принято ради утѣшенія, стало потомъ предметомъ священнымъ. Наконецъ, прежде нежели открылись сообщенія между странами земнаго шара и народы стали заимствовать другъ у друга обычаи и религіозные обряды, каждый народъ почиталъ своего основателя или знаменитаго военачальника, или цѣломудренную царицу, ставшую выше своего пола, или изобрѣтателя какого-нибудь искусства, какъ достойнаго доброй памяти гражданина. Такимъ образомъ они и воздавали награду почившимъ, и подавали примѣръ своимъ потомкамъ.

XXI. Читай сочиненія историковъ или мудрецовъ и ты

согласишься въ этомъ со мною. Эвemerъ показываетъ, что всѣ божества суть люди оботворенные за свои добродѣтели или за благодѣянiя и рассказываетъ о времени ихъ рожденiя, ихъ отечествѣ, ихъ гробницахъ по разнымъ землямъ, на примѣръ Юпитерѣ Критскомъ, Аполлонѣ Дельфійскомъ, Изидѣ Фаросской и Церерѣ Элевзинской. Продикъ говорилъ, что были возводимы въ боговъ люди, которые во время своихъ странствованiй принесли людямъ пользу своими открытiями. Мнѣнiе Продика раздѣляетъ и Персей, который называетъ одними и тѣми же именами и открытыя произведенiя земли и самыхъ открывателей ихъ, какъ это показываетъ изреченiе комика: Венера вянетъ безъ Вакха и Цереры. Алехсандръ великiй, Македонскiй, въ знаменитомъ письмѣ къ своей матери писалъ, что одинъ жрецъ, утрашенный его могуществомъ, открылъ ему тайну, что боги не что иное, какъ люди, и что Вулканъ былъ первый изъ оботворенныхъ людей, а послѣ него тогоже удостоилось поклѣнiе Юпитера. Обрати свое вниманiе на сестрѣ (11) Изиды, привратившейся въ ласточку; посмотри на могилу Озириса или Сераписа, члены котораго были разбросаны, разсмотри наконецъ священныя мѣста, жетвоприношенiе и мистерiи, и ты найдешь тутъ трагическiя развязки, смерть, погребенiя, рыданiя и скорбь несчастныхъ боговъ. Лишившись сына Изида предается скорби, плачетъ о немъ, ищетъ его вмѣстѣ съ обстриженными жрецами своими и Кинокефаломъ (12), и несчастные ея чтители также бьютъ себя въ грудь и раздѣляютъ скорбь неутѣшной матери; но какъ скоро

(11) Сестрѣ — метамическая гремушка у египтянъ, употреблявшаяся при служенiи Изидѣ для оплакиванiя пропавшаго Озириса.

(12) Кинокефалъ или Анубисъ — египетскiй богъ, въ видѣ челоуѣка съ головою собаки, спутникъ и стражъ боговъ подобно греческому Меркурию.

нашли младенца, Изида радуется, жрецы восторгаются, и виновникъ находки Кинокефаль торжествуетъ; такимъ образомъ они каждый годъ теряютъ то, что находятъ, и находятъ то, что теряютъ. Не смѣшно ли оплакивать то, что обожаемъ, обожать то, что оплакиваемъ? Этотъ культъ, бывший некогда у Египтянъ, нынѣ находится и у Римлянъ. Такъ Церера, съ зажженными факелами, со змѣемъ, горестная и разстроенная, ищетъ тамъ и сямъ свою дочь, Прозерпину похищенную внезапно и обезчещенную:—вотъ и Элевзинскія таинства. А каковы священныя торжества въ честь Юпитера? Коза—его кормилица, и онъ младенецъ похищается отъ жаднаго отца для того, чтобы онъ не пожралъ его; корибанты производятъ шумъ кимвалами для того, чтобы отецъ не слышалъ крика младенца. А когда Цибела Диндимская, стыдно говорить, не могла склонить къ прелюбодѣянiю съ ней своего несчастнаго любимца, потому что была не красива и стала стара какъ мать многихъ боговъ, то оскопила его, чтобы сдѣлать бога евнуха. Вотъ почему галлы ⁽¹⁵⁾ и евнухи чтутъ ее искаженiемъ своего тѣла. Но это уже скорѣе мученiя, а не священныя обряды. Что же сказать о формахъ и виѣшнемъ видѣ вашихъ боговъ? Не выражается ли въ нихъ безобразiе и отвратительность вашихъ боговъ? Вулканъ—богъ хромой и немощный; Аполлонъ столько вѣковъ безбородый, Эскулапъ съ огромной бородой, не смотря на то, что сынъ юнаго Аполлона, Нептунъ съ глазами свѣтлозелеными, Минерва съ голубыми, Юнона съ бычачьими глазами; Меркурій съ крылатыми ногами, Панъ съ копыта-

(15) Галлы — оскoпленные жрецы Цибелы.

мп, Сатурнъ съ кандалами на ногахъ; Янусъ съ двумя лицами какъ бы для того, чтобы ходить задомъ; Діана высоко подпоясанная охотница, Діана Ефесская имѣетъ огромныя груди, а Діана Тривіа три головы и много рукъ. Далѣе. самъ Юпитеръ вапитъ представляется то безбородымъ то имѣющимъ бороду, — называемый Аммонъ, имѣетъ рога. Капптолійскій — носитъ молнію, Юпитеръ Лаціаръ — обогрѣвъ кровію, а къ Юпитеру Феретрію нельзя подойти. Не буду говорить о множествѣ Юпитеровъ: столько чудовищъ Юпитера, сколько его именъ. Эригона повѣшена на петлѣ, какъ Дѣва между звѣздами, Касторы для того, чтобы жить попеременно умпраютъ. Эскулапъ, для того чтобы явиться богомъ, убивается громомъ, Геркулесъ сожигается этейскими огнями, чтобы не быть болѣе человекомъ.

XII. Вотъ басни и заблужденія, которыя наслѣдовали мы отъ невѣжественныхъ отцевъ: и что всего тяжелѣе, они составляютъ предметъ нашихъ занятій, нашего изученія, особенно же пѣснопѣній поэтовъ, которые весьма много повредили истинѣ своимъ авторитетомъ. И потому справедливо Платонъ знаменитаго Гомера, прославленнаго и увѣнчаннаго, исключилъ изъ республики, которую онъ изобразилъ въ своемъ сочиненіи. Ибо этотъ преимущественно поэтъ при описаніи Троянской войны хотя и для забавы, вмѣшалъ вашихъ боговъ въ событія и дѣла человѣческія. Онъ раздѣлилъ ихъ на двѣ спорящія стороны, ранилъ Венеру, связалъ, ранилъ и обратилъ въ бѣгство Марса; рассказалъ о томъ, какъ Юпитеръ былъ освобожденъ Бриареемъ, чтобъ его не связали другіе боги; какъ онъ, оплакавъ кровавыми слезами сына Сарпедона, кото-

раго никакъ не могъ избавить отъ смерти, и какъ воспламенившись любовію сильнѣе, чѣмъ съ другими любодѣйцами, предался сладострастію съ женою Юноною. Здѣсь Гераклъ убираетъ навозъ, а Аполлонъ пасетъ скотъ Адмета: Нептунъ занимается построеніемъ стѣнъ Лаомедона и, несчастный строитель—не получаетъ награды за свои труды: тамъ на наковальнѣ куется молнія Юпитера вмѣстѣ съ оружіемъ Энея, между тѣмъ какъ молнія существовала задолго еще до рожденія Юпитера въ Критѣ, и пламени настоящей молнія не могъ сдѣлать ни одинъ циклопъ, и ея не могъ не страшиться и самъ Юпитеръ. Что же сказать объ изобличенномъ прелюбодѣяніи Марса и Венеры. или объ освященномъ на небѣ постыдномъ сладострастіи Юпитера съ Ганимедомъ? Все это передано для того, чтобы нѣкоторымъ образомъ оправдать пороки человѣческія. Такія и тому подобныя выдумки и увлекательныя басни развращаютъ умы мальчиковъ, которые возрастаютъ подъ впечатлѣніями такихъ разказовъ и сохраняютъ ихъ до самыхъ зрѣлыхъ лѣтъ, и несчастные составляются въ своихъ заблужденіяхъ, не достигая истины, которая доступна только ищущимъ ее. Сатурна, родоначальника этихъ боговъ всѣ писатели древности, какъ греческіе такъ и римскіе, выдаютъ за челоуѣка. Это знаютъ Непотъ и Кассій въ своей исторіи, объ этомъ говорятъ Талль и Діодоръ. Извѣстно, что Сатурнъ, убѣжавъ изъ Крита отъ преслѣдованія своего разгнѣваннаго сына, прибылъ въ Италію и, принятый тутъ гостепріимнымъ Янусомъ, будучи родомъ грекъ и образованъ, онъ научилъ здѣсь грубыхъ и невѣжественныхъ людей многому, наприм. искусству писать, дѣлать монету и употреб-

лять разные инструменты. Онъ назвалъ страну, давшую ему убѣжище, Лаціумъ (Latium) потому, что онъ безопасно скрылся въ ней (latuit), а городу далъ названіе Сатурніи по своему имени, равно какъ и Янусъ назвалъ свой городъ Яникуль, чтобы оставить о себѣ память въ потомствѣ. Итакъ Сатурнъ какъ обыкновенный человѣкъ убѣжалъ, какъ человѣкъ скрывался; онъ отецъ человѣка и самъ также родился отъ человѣка. Онъ былъ выданъ за сына неба и земли, потому что въ Италіи не знали его родителей, такъ и въ настоящее время мы называемъ упавшими съ неба людей, которыхъ встрѣчаемъ неожиданно, и называемъ сынами земли людей неизвѣстныхъ и незнатныхъ. Сынъ Сатурна Юпитеръ, по удаленіи своего отца, сдѣлался царемъ въ Критѣ; здѣсь онъ и умеръ, и оставилъ послѣ себя дѣтей; и теперь еще можно видѣть пещеру Юпитера и его гробницу, и его человѣческая природа изобличается самыми священнодѣйствіями въ честь его.

XXIII. Безполезно останавливаться на каждомъ изъ другихъ боговъ въ частности и говорить о всемъ рядѣ ихъ поколѣнія, ибо доказанная смертность ихъ родоначальниковъ перешла по порядку преемства къ потомкамъ; но вы еще возводите въ боговъ людей послѣ ихъ смерти. Такъ Ромуль—богъ по клятвопреступленію Прокула, и Юба, по желанію Мавровъ, также богъ, равно какъ и другіе цари, которые обоготворены не потому, чтобы они были признаваемы богами, но въ уваженіе заслугъ ихъ царствованія. Имъ даютъ, противъ ихъ воли, названіе боговъ; они желаютъ оставаться людьми; болятся и не хотятъ быть богами, хотя и находятся въ старческомъ возрастѣ. Боги не могутъ быть ни изъ умершихъ, ибо богъ не можетъ умереть, ни изъ родившихся, потому что все, что рождается

умираетъ; а существо божественное не имѣетъ ни начала, ни конца своего бытія. Далѣе, если боги когда-нибудь родились, то почему они теперь не рождаются? Потому ли, что Юпитеръ состарѣлся, Юнона стала неплодною, и Минерва посѣдѣла не родивши? Или не потому ли прекратилось это рожденіе, что нынѣ не дають никакой вѣры подобнымъ выдумкамъ? Впрочемъ если бы боги и могли рождаться, но не могли бы умирать; въ такомъ случаѣ боговъ было бы больше, чѣмъ рожденныхъ людей, и небо и воздухъ не вмѣщали бы ихъ и земля не могла бы ихъ носить. Такимъ образомъ ясно, что они были люди, о которыхъ мы знаемъ, что они родились и умерли. Итакъ будетъ ли кто-нибудь смущаться, видя, что народъ публично молится и покланяется священнымъ изображеніямъ этихъ боговъ; когда умъ людей необразованныхъ плѣняется изящностію формъ, сообщенныхъ имъ искусствомъ, обольщается блескомъ золота, сіяніемъ серебра и бѣлизною слоновой кости? И если бы кто-нибудь подумалъ, съ какими истязаніями, какими инструментами обдѣлывается всякій идолъ, то покраснѣлъ бы отъ стыда, что онъ боится вещества, которое обдѣлывалъ художникъ, чтобы сдѣлать бога. Богъ деревянный—изъ какого-нибудь отрубка или кола обрубается, вытесывается, выстрагивается; а серебряный или золотой богъ чаще всего дѣлается изъ какого-нибудь нечистаго сосуда, какъ было у египетскаго царя, выковывается кузнечными молотами и получаетъ свою форму на наковальнѣ; а каменный высѣкается, обтесывается и дѣлается гладкимъ руками грязнаго работника; такой богъ нечувствуетъ низости своего происхожденія точно также, какъ не чувствуетъ почестей, воздаваемыхъ ему вашимъ поклоненіемъ. Если камень или дере-

во или серебро не составляют бога, то когда же онъ дѣлается имъ? Вотъ его отливаютъ, обдѣлываютъ, и выскрѣваютъ; это еще не богъ: его спаиваютъ свинцомъ, устраиваютъ и воздвигаютъ, и это еще не богъ; вотъ его украшаютъ, воздаютъ ему почтеніе и молятся, — и онъ наконецъ становится богомъ, когда уже человѣкъ захотѣлъ и посвятить его.

XXIV. И какъ вашихъ боговъ цѣнять по своему естественному инстинкту безсловесныя животныя? Мыши, ласточки, коршуны знаютъ, что боги ваши не чувствуютъ; они гложутъ ихъ, садятся на нихъ и если не прогоняете, устраиваютъ себѣ гнѣзда въ самыхъ устахъ вашего бога. Пауки ткуютъ на лицѣ ихъ свою паутину и съ самой головы протягиваютъ свои нити, вы же ихъ обтираете, моете, скобливаете: такъ заботитесь и вмѣстѣ боитесь тѣхъ, кого вы сами дѣлаете. Никому изъ васъ не приходило на мысль, что прежде нужно познать Бога, а потомъ почитать Его; вы спѣшите безразсудно слѣдовать примѣру своихъ предковъ; вы хотите скорѣе соглашаться съ ложными мифіями другихъ, нежели вѣрять себѣ, вы ничего не знаете о томъ, чего боитесь: вотъ отъ чего въ серебрѣ и золотѣ освящено корыстолюбіе, бездушныя статуи, благодаря своей формѣ, стали священными; вотъ отчего произошло римское суевѣріе. Если разсмотрѣть обряды этого богочтенія, то сколько найдемъ мы смѣшнаго, сколько достойнаго жалости. Жрецы ваши нѣкоторые ходятъ нагими въ жестокой холодъ, а другіе надѣвши одни шапки носятъ на себѣ древніе щиты, рѣжутъ себѣ кожу прося милостыню, и ходятъ съ богами по деревьямъ. Въ одни капища можно входить однажды въ годъ, а другія совсѣмъ запрещено видѣть. Одно капище запрещено для мушны, другое для

женщины; при нѣкоторыхъ церемоніяхъ присутствіе раба— ужасное преступленіе; на однѣ статуи возлагаетъ вѣнки женщина одномужня, на другихъ— бывшая за нѣсколько мужьями, и съ большимъ стараніемъ изыскиваютъ такую, которая могла бы насчитать у себя больше прелюбодѣяній. Но это еще не все. Шпой дѣлаетъ воздѣянія своею собственною кровію и умоляетъ бога ранами, которыя наноситъ самому себѣ. Нелучше ли бы ему быть совершеннымъ нечестивцемъ, чѣмъ религіознымъ въ такомъ родѣ? А тотъ, кто рѣшился оскопить себя, не оскорбляетъ ли Бога, котораго думаетъ такимъ образомъ умилостивить? Пбо еслибы Богу были угодны скопцы, Онъ самъ создалъ бы ихъ. Кто непонимаетъ, что эти люди больные, не имѣющіе здраваго разсудка, находятся въ гибельномъ заблужденіи и доставляютъ себѣ опору во множествѣ увлеченныхъ заблужденіемъ? Пбо обыкновенная защита заблужденія— во множествѣ заблуждающихся.

XXV. Но вѣдь религія римлянъ, говоришь ты, положила основаніе ихъ могуществу, увеличила, и утвердила власть римскаго народа, что онъ обязанъ своимъ величіемъ не столько личной храбрости, сколько своему благочестію и религіи. Да, пресловутая римская справедливость видна съ самыхъ первыхъ временъ основанія государства. Не преступленіе ли соединило римлянъ, не несправедливая ли жестокость дала имъ силу? Сначала Римъ служилъ убѣжищемъ для всякихъ людей; туда стекались разбойники, злодѣи, измѣнники, прелюбодѣи, убійцы. и самъ Ромулъ, ихъ царь и правитель, совершилъ братоубійство, чтобы превзойти въ злодѣяніи свой народъ. Вотъ первые начатки благочестиваго государства. Тотчасъ послѣ сего Римъ нагло похитилъ и обезчестилъ дочерей, изъ

которыхъ многія были уже обручены, и нѣкоторыхъ замужнихъ женщинъ и потомъ затѣялъ войну съ ихъ родителями, а своими тестями и пролилъ кровь своихъ родственниковъ. Что можетъ быть безнравственнѣе, безчестнѣе, наглѣе такой злодѣйской дерзости? Затѣмъ общимъ дѣломъ Ромула и послѣдующихъ царей и вождей было сосѣдей сгонять съ ихъ земли, разрушать окрестные города съ храмами и алтарями, притѣснять плѣнныхъ, укрѣпляться посредствомъ обидъ другихъ и злодѣяній своихъ. Все, что теперь Римляне имѣютъ, чѣмъ владѣютъ и пользуются, — все это добыча ихъ дерзости, всѣ храмы ихъ воздвигнуты изъ награбленнаго имущества, посредствомъ разрушенія городовъ, ограбленія боговъ и умерщвленія священниковъ. Смѣшно то, что римляне принимаютъ религію побѣжденныхъ народовъ и послѣ побѣды поклоняются плѣннымъ богамъ, потому что воздавать божескія почести тому, что захватилъ на войнѣ, значить совершать святотатство, а не оказывать благоговѣніе предъ божествомъ. У римлянъ сколько побѣдныхъ торжествъ, столько дѣлъ нечестивыхъ, сколько взято трофеевъ у народовъ, столько сдѣлано ограбленій у боговъ. И такъ римляне сильны не потому, что религіозны, но потому, что безнаказанно совершали святотатства. Они не могли имѣть на войнѣ своими покровителями тѣхъ боговъ, противъ которыхъ поднимали оружіе, и которымъ поклонялись уже по достиженіи своей цѣли, т. е. послѣ побѣды. И что могли сдѣлать для римлянъ тѣ боги, которые были безсильны защитить противъ ихъ оружія своихъ почитателей? Боги же собственно-римскіе хорошо извѣстны, — Ромулъ, Пикъ, Тиберинъ, Юнсъ, Пилюмъ и Полюмъ. Тацій избрѣлъ Клоацину и сталъ ее обожать, Гостилій — Павора и Паллора; кромѣ сего не-

знаю кто-то обоготворилъ лихорадку (febris). Вотъ покровители Рима—суевѣріе, болѣзни и несчастія; между болѣзнями римлянъ и въ числѣ боговъ, конечно, можно еще помѣстить распутныхъ женщинъ: Акку Лавренцію и Флору. Эти-то боги, должно-быть, помогли римлянамъ распространить свое государство и побѣдить боговъ, которые почитались другими народами. Нельзя же предположить, чтобъ имъ помогли противъ этихъ народовъ Марсъ Фракійскій, Юпитеръ Критскій, Юнона Аргосская или Самосская или Карѳагенская, Діана Таврическая, мать боговъ Цибела, наконецъ египетскія скорѣе чудовища, а не божества. Развѣ, быть можетъ, они нашли у римлянъ болѣе чистыхъ дѣвъ, болѣе благочестивыхъ жрецовъ? Но не были ли наказаны очень многія дѣвы, какъ за страшное преступленіе, за любодѣяніе, которое онѣ совершали съ мужчинами, конечно безъ вѣдома Весты, а другія избѣгли наказанія благодаря не большой чистотѣ своей, но болѣе счастливому распутству? Гдѣ же какъ не въ храмахъ и капищахъ, жрецы устрояютъ прелюбодѣйства, торгуютъ честью женщинъ, придумываютъ любодѣянія? Гораздо чаще въ жилищахъ жрецовъ, чѣмъ въ самыхъ распутныхъ домахъ, совершаются самыя неистовыя дѣла сладострастія. Между тѣмъ ассиріане, мидяне, персы, даже греки и египтяне прежде римлянъ по устроенію Божію, долго владѣли царствами, не имѣя первосвященниковъ, ни жрецовъ Цереры или Марса, ни весталокъ, ни авгуровъ, ни цыплятъ въ клѣткѣ, которыхъ бы аппетитъ или отвращеніе къ пищѣ управляли судьбами государства.

XXVI. Теперь я перехожу къ римскимъ гаданіямъ и предсказаніямъ, которыя ты такъ тщательно собралъ и которыхъ пренебреженіе сопровождалось гибельными послѣдствіями, а наблюденіе—благополучными. По твоему, Клав-

дій, Фламиній и Юній потому потеряли свои войска, что не разсудили дожидатся обычнаго топтанія цыплятъ ногами. А Регулъ? Не наблюдаю ли онъ авгурій, и однако взять былъ въ плѣнъ? Точно также, Манципъ хотя и уважилъ релігіозный обычай, попалъ во власть врага. Павелъ Эмилиі при Каннахъ потерпѣлъ ужасное пораженіе, несмотря на то, что цыплята предвѣщали успѣхъ. Цезарь пренебрегъ гаданіями, которыя воспрещали ему отправиться въ Африку прежде зимы, однако онъ легко переплылъ и побѣдилъ. Что же сказать мнѣ объ оракулахъ? Амфіарай предсказалъ, что будетъ послѣ его смерти, а не зналъ, что жена измѣнитъ ему за ожерелье. Слепой Тирезій предсказывалъ будущее, а не видалъ настоящаго. Эниій сочинилъ насчетъ Пирра отвѣты Аполлона Піійскаго, между тѣмъ какъ Аполлонъ давно уже пересталъ говорить стихи, и этотъ оракулъ ловкій и двусмысленный прекратилъ свое дѣло съ тѣхъ поръ, какъ люди стали менѣе легковѣрны и болѣе образованны. И Демосѣнъ, зная поддѣльность отвѣтовъ Піеи, жаловался, что она держитъ сторону Филиппа. Но скажетъ ты, эти гаданія или оракулы иногда сбывались на дѣлѣ. Я могъ бы на это отвѣчать, что между множествомъ ложныхъ предсказаній какое-нибудь изъ нихъ могло случайно попасть на истинну; но я обращаюсь къ самому источнику лжи и заблужденія изъ котораго пропзошелъ весь этотъ мракъ, постараюсь глубже проникнуть въ него и яснѣе показать его! Есть живые, нечистые духи, ниспадшіе съ небесной чистоты въ тину земныхъ страстей. Эти духи лишились чистоты своей природы, осквернивъ себя пороками, и для утѣшенія себя въ несчастіи—сами уже погибшіе не перестаютъ губить другихъ, сами поврежденные стараются распространить ги-

бельное заблужденіе, и отчужденные отъ Бога усиливаются всёхъ удалить отъ Бога, вводя между людьми ложныя религіи. Что эти духи суть демоны, это знаютъ поэты, это говорятъ философы, это признавалъ и Сократъ, который принимался за дѣла или откладывалъ ихъ по внушенію присутствовавшаго при немъ демона. Чародѣи не только знаютъ демоновъ, но и при помощи ихъ совершаютъ всё свои продѣлки, похожія на чудо: по ихъ внушенію и вліянію, они производятъ свои чары, заставляютъ видѣть то, чего насамомъ дѣлѣ нѣтъ, или наоборотъ не видѣть того, что есть. Первый изъ такихъ маговъ по словамъ и дѣламъ своимъ Сосеенъ ⁽¹⁾ съ подобающимъ благоговѣніемъ говоритъ объ истинномъ Богѣ, признаетъ ангеловъ, служителей и вѣстниковъ истиннаго Бога, и представляетъ ихъ присутствующими предъ Его престоломъ въ такомъ страхѣ, что они трепещутъ отъ мановенія, отъ взгляда Господа. Тотъ же магъ говоритъ о демонахъ земныхъ, блуждающихъ туда и сюда, враждебныхъ человѣчеству. Платонъ, который почиталъ труднымъ дѣломъ найти Бога, безъ труда говоритъ объ ангелахъ и демонахъ, и пытался въ своемъ разговорѣ «Пиръ» опредѣлить природу демоновъ: онъ думаетъ, что она есть нѣчто среднее между существомъ смертнымъ и бессмертнымъ, т. е. между тѣломъ и духомъ, и состоитъ изъ соединенія земной тяжести съ небесною эфирностію и что отъ нея происходитъ въ насъ любовь, образуется въ сердцахъ человѣческихъ, возбуждаетъ чувства, волнуется наши жалапія и возжигаетъ жаръ страстей.

XXVII. Итакъ, эти нечистые духи, демоны, о которыхъ

---

(1) Вѣроятно Останъ, о которомъ упоминаетъ Плиній (lib. XXX. c. I) и Августинъ (de baptismo c. donat. l. VI).

знали маги, философы и самъ Платонъ, скрываются въ статуяхъ и идолахъ, которые по ихъ внушенію пріобрѣтаютъ такое уваженіе, какъ будто въ нихъ присутствовало божество; они вдохновляютъ прорицателей, обитаютъ въ капищахъ, дѣйствуютъ на внутренности животныхъ, руководятъ полетомъ птицъ, управляютъ жребіями, произносятъ смѣшанныя съ ложью прорицанія. Они обманываются и обманываютъ то не зная истины, то когда знаютъ, не открывая ея чтобы не погубить себя. Они-то отвращаютъ людей отъ неба къ землѣ, и отъ Бога къ веществу, возмущаютъ человѣческую жизнь, причиняютъ всѣмъ безпокойства, вселяясь тайно въ тѣла людей, какъ духи тонкіе, производятъ болѣзни, наводятъ страхъ на умы, искривляютъ члены, чтобы принудить людей почитать ихъ, за то, что будто они, насытившись кровью жертвъ и запахомъ ихъ мяса, исцѣлили тѣхъ, кому перестали вредить. Они-то суть и тѣ неистовствующіе, которыхъ вы видите на улицахъ, тѣ прорицатели, которые внѣ храмъ такъ кружатся на землѣ, такъ волнуются, безумствуютъ. Въ нихъ одинаково подстрекательство демона, различны только предметы неистовства. Отъ нихъ происходитъ то, о чемъ ты немного прежде говорилъ: Юпитеръ требующій воснѣ игръ въ свою честь, Касторы являющіеся на коняхъ, лодка слѣдующая за поясомъ матроны. И большая часть изъ васъ знаютъ, что сами демоны признаются въ этомъ всякій разъ, когда мы изгоняемъ ихъ изъ тѣлъ заклинательными словами и жаромъ нашихъ молитвъ. Сатурнъ, Сераписъ и Юпитеръ и прочіе обожаемые вами демоны, удручаемые скорбію, высказываютъ, что такое они, даже въ присутствіи нѣкоторыхъ изъ васъ, и не осмѣливаются солгать для прикрытія своего безславія. Повѣрьте этимъ свидѣтелямъ, которые истину говорятъ

вамъ о себѣ, что они демоны: заклинаемые именемъ еди-наго истиннаго Бога, они приходятъ въ сильный трепеть, и или тотчасъ оставляютъ тѣла одержимыхъ ими или по-степенно удаляются, смотря по вѣрѣ страждущаго или по желанію исцѣляющаго. Они страшатся приближенія хри-стіанъ, хотя издали нападаютъ на нихъ посредствомъ васъ въ собраніяхъ вашихъ. Они, овладѣвая умами невѣжествен-ныхъ людей и дѣйствуя на нихъ страхомъ, стараются тайнѣ возбудить противъ насъ ненависть, ибо естественно ненави-дѣть тѣхъ, кого боимся, и сколько можно, вредить тѣмъ, кого страшимся. Такъ демоны овладѣваютъ умами и покоряютъ сердца людей и заставляютъ ихъ ненавидѣть насъ прежде, не-жели люди узнаютъ насъ. Это для того, чтобы они, узнавши насъ, не стали намъ подражать или покрайней мѣрѣ не перестали насъ гнать.

XXVIII. Какъ несправедливо вы поступаете, когда про-взносите судъ о томъ, чего не знаете и не изслѣдовали: повѣрьте нашему раскаянію, потому что мы и сами такъ дѣлали, когда будучи прежде ослѣплены и ничего не видя, одинаково съ вами думали, будто христіане поклоняются чудовищамъ, ѣдятъ мясо младенцевъ и въ своихъ собра-ніяхъ предаются разврату; мы не понимали, что все это басни, пущенныя демонами, никогда неислѣдованныя, ни-чѣмъ недоказанныя, что столько времени не находилось человѣка, который бы заявилъ объ этомъ, хотя бы и могъ рассчитывать не только на прощеніе за свое преступленіе, но и награду за свое открытіе; и такова невинность хри-стіанъ, что они не стыдятся и не краснѣютъ, когда ихъ за то осуждаютъ, но жалѣютъ только о томъ, что раньше не были такими. Какіе-нибудь святотатцы, кровосмѣсники, даже отцеубійцы находили въ насъ защитниковъ и по-

кровителей: а относительно христіанъ, мы не думали во-
все выслушивать ихъ; иногда же, когда у насъ появля-
лась къ нимъ жадость, мы еще сильнѣе мучили ихъ,
чтобы пытками принудить ихъ отказаться отъ своего ис-
повѣданія, и избавить ихъ отъ смерти, и въ отношеніи
къ нимъ мы дѣйствовали такъ не для того, чтобы добить-
ся истины, но чтобы принудить ко лжи. И если кто-ни-
будь послабѣ побѣжденный болью и мученіями пытокъ от-
рекался отъ своего христіанства, то мы дѣлались къ нему
благосклонными, какъ будто, отказавшись отъ имени хри-
стіанина, онъ этимъ отреченіемъ заглаждалъ всѣ свои про-
ступки. Не видите ли, что мы думали и дѣлали то же са-
мое. что теперь думаете и дѣлаете вы? Между тѣмъ, если-
бы разумъ, а не внушеніе демоновъ, руководилъ нашими
сужденіями, то надлежало бы принуждать христіанъ не от-
рекаться отъ своего имени, но признаться въ расчутствѣ,
въ безнравственныхъ обрядахъ, въ умерщвленіи младенцевъ.
Такия-то басни демоны нашептываютъ въ уши невѣжествен-
ныхъ людей, чтобы поселить въ нихъ къ намъ страхъ
и отвращеніе. И это неудивительно: такъ какъ человѣ-
ческая молва, которая всегда питается выдумками, исто-
щается какъ скоро обнаружится истина, то демоны всяче-
ски стараются выдумывать и распространять ложные слухи?
Здѣсь и источникъ той молвы, о которой ты говорилъ,
будто христіане воздаютъ божескую честь ослиной головѣ.
Кто же столько глупъ, что станетъ почитать такую вещь.
Кто же такъ безсмысленъ, чтобы вѣрить этому почитанію?
Развѣ вы, которые почитаете цѣлыхъ ословъ въ стойлахъ
съ вашею богинею Епоною; которые такъ благочестиво
пожираете ословъ вмѣстѣ съ Изидой; которые закаляете
и почитаете головы воловъ и барановъ, которые наконецъ

ставите въ храмахъ боговъ представляющихъ смѣсь человѣка съ козломъ, съ лицомъ льва и собаки? Не обожаете ли вы вмѣстѣ съ египтянами и быка Аписа? И вы не отвергаете и ихъ священнодѣйствій въ честь змѣй, крокодиловъ и другихъ звѣрей рыбъ и птицъ, изъ которыхъ если кого-либо убьетъ кто, наказывается смертию. Тѣ же египтяне, а также многіе изъ васъ столько же боятся Изиды, сколько и остроты луковницъ, столько же страшатся Сераписа, сколько неприличныхъ звуговъ, выходящихъ изъ тѣла человѣка. Далѣе изобрѣтатель другой нелѣпой басни ⁽¹⁵⁾.... старается только взнести на насъ то, что бываетъ у нихъ. Это болѣе идетъ къ безстыдству тѣхъ людей, у которыхъ всякій полъ совершаетъ любодѣянія всеми членами своего тѣла; гдѣ полное распутство носить названіе свѣтскости; гдѣ завидуютъ вольности распутныхъ женщинъ, гдѣ сладострастіе доходитъ до отвратительной гадости ⁽¹⁶⁾, гдѣ у людей языкъ скверенъ даже тогда, когда они молчатъ, гдѣ появляется уже звука отъ разврата прежде чѣмъ стыдъ. О ужасъ! Люди развратные совершаютъ такія дѣла, которыхъ не можетъ вынести самый нѣжный возрастъ; къ которымъ не можетъ быть при-
нуждено самое тяжкое рабство.

XXIX. О такихъ и'тому подобныхъ безстыдныхъ дѣлахъ, намъ непозволено слушать, и многіе считаютъ низкимъ даже защищаться по' ихъ поводу. А вы выдумаете на людей чистыхъ и цѣломудренныхъ то, чему мы и не вѣрили бы, еслибы вы сами не представляли тому примѣ-
меровъ. Что же касается до того, что вы упрекаете насъ

⁽¹⁵⁾ Въ подлинникѣ читается: qui de adoratis sacerdotis virilibus fabulatur.

⁽¹⁶⁾ Въ подлинникѣ читается: que medios viros lambunt, libidinoso ore inguinibus inhaerescunt.

въ обожаніи преступнаго человѣка и его креста, то вы очень далеки отъ истины, когда думаете, чтобы преступникъ заслужилъ или простой человѣкъ могъ почитаться Богомъ. Поистинѣ тотъ достойнъ сожалѣнія, кто всё свои надежды возлагаетъ на смертнаго человѣка, потому что со смертію его прекращается и вся помощь съ его стороны. Египтяне же въ самомъ дѣлѣ выбираютъ себѣ человѣка, которому воздаютъ божескія почести, ему одному молятся, къ нему обращаются за совѣтомъ, въ честь его закаляютъ жертвы, и онъ будучи для другихъ богомъ, для себя самого невольно есть человѣкъ. Ибо онъ не можетъ обмануть своего совѣсть, хотя обманываетъ другихъ. Низкое ласкательство не ограничивается тѣмъ, чтобы воздавать почтеніе царямъ и владыкамъ, какъ великимъ и избраннымъ людямъ, что совершенно прилично, но даетъ имъ имена боговъ, между тѣмъ какъ для доблестнаго мужа честь составляетъ истинную награду, а для добраго любовь — самую пріятную дань. Призываютъ этихъ людей какъ боговъ, преклоняются предъ ихъ статуями, возносятъ молитвы ихъ генію, т. е. демону, и считаютъ болѣе безопаснымъ дѣлать ложную клятву именемъ Юпитера, нежели своего царя. Мы не почитаемъ крестовъ и не желаемъ ихъ. (17). Вы можете быть имѣя деревянныхъ боговъ, почитаете и деревянные кресты, какъ составныя части вашихъ божествъ. Но самыя знамена ваши и разные знаки военные что, иное какъ не позлощенные и украшенные кресты? Ваши побѣдные трофеи имѣютъ видъ не только креста, но и распятаго

---

(17) Эти слова Октавіа о крестѣ выражаютъ то, что христіане не поклоняются кресту такъ, какъ представлялъ это Цецилій, т. е. какъ язычники поклоняются своимъ идоламъ, и сами не ищутъ быть распятыми на крестѣ, хотя не отказываются страдать за свою вѣру.

человѣка. Естественное подобіе креста мы находимъ въ кораблѣ, когда онъ несется распутивши паруса или подходить къ берегу съ простертыми веслами. Точно также яремъ когда его подвѣдете, похожъ крестъ; и человекъ, когда онъ, распростерши руки, чистымъ умомъ возносить молитву къ Богу, представляетъ образъ креста. Итакъ изображеніе креста находится и въ природѣ и въ вашей религіи.

XXX. Желалъ бы я встрѣтиться съ тѣмъ, кто говоритъ или думаетъ, что у насъ, христіанъ, принатіе въ наше общество совершается посредствомъ умерщвленія младенца и его кровію. Неужели ты можешь повѣрить, чтобы столь вѣжное молодое тѣло подвергалось ужаснымъ ранамъ, чтобы кто-нибудь рѣшился умертвить столь недавнее существо, которое едва можетъ назваться человекомъ, пролить его кровь и пить? Этому никто не можетъ повѣрить, кромѣ развѣ того, кто самъ можетъ осмѣлиться это сдѣлать. Вы, я знаю, бросаете новорожденныхъ дѣтей на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ, или же предаете несчастной смерти посредствомъ удушенія. Нѣкоторыя женщины у васъ, принявъ лекарства, еще во чревѣ своемъ уничтожаютъ зародышъ будущаго человекъ и дѣлаются дѣтоубійцами прежде рожденія дитяти. И къ такимъ дѣйствіямъ располагаютъ васъ уроки вашихъ боговъ; ибо Сатурнъ не бросилъ, но пожралъ своихъ дѣтей. Посему въ нѣкоторыхъ странахъ Африки родители приносятъ ему въ жертву своихъ младенцевъ, ласками и поцѣлуями стараясь прервать ихъ плачь, чтобы жертва закалалась безъ плача. У жителей Тавриды, близъ Понта, и у египетскаго царя Бузириса существовалъ обычай приносить въ жертву

гостей, а Галлы приносили Меркурію человѣческія и нечеловѣческія жертвы. Римляне ради жертвы живыми зарывали въ землю мушину и женщину изъ грековъ и мушину съ женщиною изъ галловъ; и теперь еще они почитаютъ Юпитера Ляціара человѣкоубійствомъ и, что вполнѣ прилично сыну Сатурна, онъ насыщается кровію человѣка нечестиваго и злодѣя. Я думаю, что у этого бога научился Катилина заключать кровію договоръ съ своими сообщниками, Беллона требовать для возліянія на ея жертвенникъ крови человѣческой; другіе научились врачевать падучую болѣзнь кровію человѣка, т. е. еще болѣшимъ зломъ. Не менѣе сихъ виновны и тѣ, которые употребляютъ въ пищу животныхъ, которыя на аренѣ обрызгались человѣческою кровію или насытились человѣческимъ мясомъ. Что же касается насъ, намъ не позволено и видѣть человѣкоубійства, ни даже слышать о нихъ; а проливать человѣческую кровь мы такъ боимся, что воздерживаемся даже отъ крови животныхъ, употребляемыхъ нами въ пищу.

XXXI. И эта басня о безнравственныхъ пиршествахъ нашихъ есть также изобрѣтеніе демоновъ, пущенное въ ходъ для того, чтобы славу нашего цѣломудрія запятнать позоромъ отвратительнаго безчестія и чрезъ то отдалить отъ насъ людей, прежде чѣмъ они могли ихъ изслѣдовать истину. Объ этомъ и твой Фронтонъ говоритъ не какъ свидѣтель, утверждающій то что видѣлъ, но какъ ораторъ, бросившій укоризну. Скорѣе—это появилось у васъ язычниковъ. У персовъ смѣшеніе съ матерью считается дѣломъ дозволеннымъ, у египтянъ и аеинянъ закономъ допущено супружество съ сестрами. Ваши исторіи и трагедіи, которыя вы читаете и слушаете съ удовольствіемъ, богаты примѣрами кровосмѣшенія, и боги, которыхъ вы почитаете,

также кровосмѣшники, соединявшіеся съ своими матерями, дочерьми и сестрами. И не удивительно, что у васъ часто открывається кровосмѣшеніе и всегда допускается. Несчастливые, вы даже по невѣденію можете впасть въ это преступленіе, потому что брасаетесь на всякую женщину, повсюду съѣте дѣтей своихъ, и рожденныхъ дома часто бросаете, разчитывая на чужое состраданіе; необходимо вамъ по незнанію напасть на вашу кровь, на тѣхъ, которые отъ васъ родились. Такимъ образомъ вы сами кровосмѣшники сплетаете на насъ эту басню, вопреки свидѣтельству вашей совѣсти. А у насъ цѣломудріе не только въ лицѣ, но и въ умѣ, мы охотно пребываемъ въ узахъ брака, но только съ одною женщиною, для того, чтобы имѣть дѣтей, и для сего имѣемъ только одну жену или же не имѣемъ ни одной. Собранія наши отличаются не только цѣломудріемъ, но и трезвенностію; на нихъ мы не предаемся пресыщенію яствами, не услаждаемъ пира виномъ; самую веселость мы умѣряемъ строгостію, цѣломудренною рѣчью и еще болѣе цѣломудренными движеніями тѣла. Очень многіе отличаются всегдашнимъ дѣвствомъ своего неоскверненнаго тѣла, и этимъ нетщеславятся; наконецъ мы такъ далеки отъ кровосмѣшенія, что нѣкоторые стыдятся даже законнаго совокупленія. Хотя и отвергаемъ ваши почести и пурпуровыя одежды, однакоже не стоимъ изъ нисшей черни; нельзя считать насъ заговорщиками, потому только, что мы все имѣемъ въ виду одну добродѣтель, и въ своихъ собраніяхъ ведемъ себя также тихо, какъ каждый порознь; наконецъ нельзя выдавать насъ за охотниковъ болтать въ тайныхъ мѣстахъ, когда вы стыдитесь или боитесь слушать насъ публично. Если число нашихъ

со дня на день все возрастаетъ, это не облачаетъ насъ въ заблужденіи, но служить въ нашу похвалу: прекрасный образъ жизни заставляетъ каждого быть ему вѣрнымъ навсегда и привлекаетъ постороннихъ. Наконецъ мы узнаемъ другъ друга не по знакамъ тѣлеснымъ, какъ вы думаете, но по невинности и скромности; мы питаемъ между собою взаимную любовь, что для васъ прискорбно, — потому что ненавидѣть не научились, а называемъ другъ друга братьями, что для васъ ненавистно, — какъ дѣти одного Отца Бога, какъ сообщники вѣры, какъ сонаслѣдники упованія. Вы же не знаете другъ друга; питаете взаимную ненависть и не признаете себя братьями, развѣ только когда затѣваете отцеубійство.

XXXII. Думаете ли вы, что мы скрываемъ предметъ нашего богопочтенія, если не имѣемъ ни храмовъ, ни жервенниковъ? Какое изображеніе Бога я сдѣлаю, когда самъ человѣкъ, правильно разсматриваемый, есть образъ Божій? Какой храмъ Ему построю, когда весь зтотъ міръ, созданный Его могуществомъ, не можетъ вмѣстить Его? И если я человѣкъ люблю жить просторно, то какъ заключу въ одномъ небольшомъ зданіи столь великое Существо? Не лучше ли содержать Его въ нашемъ умѣ, святить Его въ глубинѣ нашего сердца? Стану ли я приносить Господу жертвы и дары, которые Онъ произвелъ для моей же пользы, чтобы повергать Ему Его собственный даръ? Это было бы неблагодарно, напротивъ угодная Ему жертва доброе сердце, чистый умъ и незапятнанная совѣсть. Посему кто чтитъ невинность, тотъ молится Господу; кто уважаетъ правду, тотъ приноситъ жертву Богу; кто удерживается отъ обмана, тотъ умиловляетъ Бога; кто избавляетъ ближняго отъ опасности, тотъ закаляетъ са-

мую лучшую жертву. Таковы наши жертвы, таковы святилища Богу: у насъ тотъ благочестивѣе, кто справедливѣе. Но—говоришь ты—Бога, котораго чтимъ, мы не можемъ ни видѣть, ни показать другимъ; да, мы потому и вѣруемъ въ Бога, что не видимъ Его, но можемъ Его чувствовать сердцемъ. Ибо во всѣхъ дѣлахъ Его, во всѣхъ явленіяхъ міра мы усматриваемъ присносущную силу Его, которая проявляется и въ раскатахъ грома и въ блескъ молніи и ясной тишинѣ неба. Неудивляйся, что ты не видишь Бога. Все приходитъ въ движеніе и сотрясеніе отъ вѣтра и его вѣяній, но вѣтеръ и вѣяніе не видны для глазъ. Мы не можемъ видѣть даже солнца, которое для всѣхъ служитъ причиною видѣнія: его лучи заставляютъ глаза закрываться и притупляютъ взоръ зрителя, и если ты подольше посмотришь на него, то совсѣмъ потеряешь зрѣніе. Какъ же ты можешь видѣть самого Творца солнца, источникъ свѣта когда ты отворачиваешься отъ блеска солнца, прячешься отъ его огненныхъ лучей? Ты хочешь плотскими глазами видѣть Бога, когда не можешь собственную твою душу, чрезъ которую живешь и говоришь, ни видѣть, ни осязать!.. Но ты говоришь — Богъ не знаетъ дѣйствій человѣческихъ и, находясь на небѣ, не можетъ ни обнимать всѣхъ, ни знать каждаго порознь. Ошибаешься, человѣкъ, и говоришь ложь! Какимъ образомъ Богъ далекъ отъ насъ, когда все небесное и земное, и все находящееся за предѣлами этого видимаго міра, все извѣстно Богу, все полно Его присутствія? Онъ повсюду, и не только близокъ къ намъ, но и находится внутри насъ. Обрати вниманіе опять на солнце утвержденное на небѣ: оно разливаетъ свои лучи по всѣмъ странамъ; всюду оно присутствуетъ, всему даетъ себя чувствовать и никогда неизмѣняется его свѣтлость. Не тѣмъ

ли болѣе Богъ творецъ всего и всевидѣцъ, отъ Котораго ничто неможетъ быть тайно, находится во тьмѣ, находится и помышленіяхъ нашихъ, которыя суть какъ бы тьма. Мы не только все дѣлаемъ предъ очами Бога, но такъ сказать и живемъ съ Нимъ.

XXXIII. Мы вовсе не думаемъ хвалиться нашею многочисленностію: намъ кажется, что насъ много, но для Бога насъ слишкомъ немного. Мы различаемъ племена и народы, но для Бога весь этотъ міръ есть одинъ домъ. Цари о всемъ въ своемъ именно царствѣ знаютъ чрезъ своихъ министровъ; Богъ не имѣетъ нужды въ этихъ посредникахъ; мы живемъ не только предъ Его очами, но и въ Его нѣдрѣ. Ты говоришь, что іудеямъ ни мало не помогло то, что они почитали едиаго Бога и Ему съ величайшимъ усердіемъ воздвигали храмы и жертвенники. Но великое заблужденіе, если ты забывъ или не зная прошедшихъ событій, остановишься только на послѣдующихъ. Когда іудеи чисто и благоговѣнно чтили нашего Бога, который есть Богъ всѣхъ, когда они повиновались Его спасительнымъ повелѣніямъ, тогда изъ малаго народа они сдѣлались безчисленнымъ, изъ бѣднаго богатымъ, изъ рабовъ царями; тогда немногочисленные, безоружные, они по повелѣнію Божію и при содѣйствіи стихій погубили многочисленное войско, которое преслѣдовало ихъ въ бѣгствѣ. Прочитай ихъ Писанія, или если тебѣ болѣе нравятся римскіе писатели, то обойди древнихъ и обрати вниманіе на сочиненія Юсіфа Флавія или Антонина Юліана объ іудеяхъ: ты узнаешь, что такой участи они заслужили своимъ нечестіемъ и что съ ними ничего не случилось, что небыло бы имъ предсказано напередъ, если они будутъ упорствовать въ нечестіи. Ты узнаешь, что они оставили Бога прежде,

чѣмъ были Имъ оставлены; и что не вмѣстѣ съ Богомъ своимъ они были побѣждены, какъ ты говоришь неприлично, но Богомъ были преданы врагамъ.

XXXIV. Относительно сгорѣнія если вы не вѣрите или съ трудомъ вѣрите, чтобы внезапно сошелъ огонь съ неба, то вы раздѣляете народное заблужденіе. Кто изъ философовъ сомнѣвается, кто не знаетъ, что все рожденное умираетъ и все получившее начало имѣетъ конецъ; что и небо со всѣмъ, что на немъ находится, должно разрушиться, такъ какъ получило начало? Стоики всегда утверждали, что весь этотъ міръ, лишившись влаги, истребится посредствомъ огня; точно также и эпикурейцы думаютъ о воспламененіи элементовъ и разрушеніи міра. Платонъ говоритъ, что части міра разрушаются попеременно то отъ наводненія, то отъ воспламенѣнія, и хотя онъ признавалъ міръ вѣчнымъ и неразрушимымъ, однако прибавляетъ, что его можетъ разрушить только Богъ, создатель его. И нисколько не удивительно, если эта громада будетъ разрушена Тѣмъ, Кѣмъ она устроена. Ты видишь, что философы разсуждали также, какъ говоримъ и мы; но не мы подражаемъ имъ, а они заимствовали нѣкоторую тѣнь истины изъ божественныхъ предсказаній пророковъ. Такъ славнѣйшіе изъ философовъ, прежде всего Пиагоръ и особенно Платонъ, передали вамъ въ неполномъ и поврежденномъ видѣ ученіе о продолженіи жизни послѣ смерти. Ибо по ихъ мнѣнію однѣ души, по разрушеніи тѣла, продолжаютъ существовать вѣчно, и неоднократно переходятъ въ другія новыя тѣла. Къ большому искаженію истины, они утверждаютъ что души людей по смерти переходятъ въ тѣла скотовъ, птицъ, звѣрей;—мнѣніе болѣе приличное шуту забавля-

ющему, нежели мыслящему философу. Впрочемъ для моей цѣли довольно того, что и относительно этого предмета ваши философы нѣкоторымъ образомъ согласны съ нами. Въ самомъ дѣлѣ, кто же столько глупъ и безсмысленъ, что осмѣлится говорить, что Богъ, Который могъ первоначально создать человѣка, не можетъ потомъ воссоздать его? что человѣкъ не существуетъ по смерти какъ не существовалъ до рожденія? Если онъ могъ произойти изъ ничего, то можетъ опять возстать изъ ничтожества. Далѣе гораздо труднѣе дать бытіе тому, что не существовало, нежели возобновить то, что уже получило его. Думаешь ли ты, что исчезаетъ и для Бога что-нибудь, какъ скоро скрывается отъ слабыхъ очей нашихъ? Всякое тѣло—обращается ли оно въ пыль или влагу, въ пепелъ или паръ, исчезаетъ для насъ, но Богъ сохраняетъ его элементы. Мы вовсе не боимся, какъ вы думаете, какого-либо вреда отъ сожиганія покойниковъ, но держимся древняго и лучшаго обыкновенія зарывать умершихъ въ землю. Посмотри также на то, какъ вся природа, къ нашему утѣшенію, внушаетъ мысль о будущемъ воскресеніи. Солнце заходитъ и вновь появляется; звѣзды скрываются и опять возвращаются, цвѣты увядаютъ и разцвѣтаютъ, деревья послѣ зимы снова распускаются, сѣмена не возродятся, если прежде не сгніютъ; такъ и тѣло на время, какъ деревья за зиму, скрываетъ жизненную силу подъ обманчивымъ видомъ мертвенности. Къ чему это нетерпѣливое желаніе, чтобы оно ожило, когда еще зима въ полной силѣ? Намъ также нужно дожидаться весны нашего тѣла. Я знаю, что очень многіе, сознавая, что они заслужили, не столько убѣждены въ томъ, что уничтожается послѣ смерти, сколько желаютъ этого;

потому что имъ пріятнѣе совершенно уничтожиться, чѣмъ воскреснуть для мученій. Ихъ заблужденіе возрастаетъ и отъ ихъ собственной распущенности въ жизни и отъ долготерпѣнія со стороны Бога; но чѣмъ болѣе Онъ медлитъ своимъ судомъ, тѣмъ строже судъ.

XXXV. Впрочемъ ваши ученые въ сочиненіяхъ и поэты въ стихахъ своихъ говорятъ объ огненномъ потокѣ и пламенномъ болотѣ Стикса, которые предназначены для вѣчнаго мученія людей; такъ какъ они знаютъ объ этомъ по указаніямъ демоновъ и изреченіямъ пророковъ. Вотъ почему у нихъ самъ царь Юпитеръ благоговѣнно клянется пылающими берегами и мрачною пропастью; ибо онъ предчувствуетъ мученія, которыя ожидаютъ его вмѣстѣ съ его читателями, и боится. Этими мученіямъ нѣтъ никакого предѣла и никакой мѣры. Тамъ разумный огонь сожигаетъ и возобновляетъ члены тѣла, истощаетъ и питаетъ ихъ; подобно тому, какъ блескъ молніи касается тѣла, но не убиваетъ, какъ огни Везувія и Этны и всѣхъ земныхъ вулкановъ горятъ никогда не угасая; такъ и огонь, назначенный для наказанія, поддерживается не тѣмъ, чтобъ истреблялъ сожигаемыхъ имъ, но питается неистощимыми мученіями человѣческихъ тѣлъ. Никто, кромѣ развѣ нечестивца, не сомнѣвается, что незнающіе Бога заслуживаютъ такого наказанія за свою нечестивую и порочную жизнь, потому что не знать Отца и Владыку всего есть не меньшее преступленіе, какъ и оскорблять Его. Хотя незнаніе Бога влечетъ за собою наказаніе, а знаніе Его служить къ полученію прощенія, однако если насъ христіанъ сравнить съ вами, то хотя нѣкоторые изъ насъ по жизни своей и ниже нашего ученія, все-таки мы окажемся гораздо лучше васъ. Ибо вы запрещаете прелюбодѣяніе, но совер-

шаете его, а мы знаемъ только своихъ женъ; вы наказываете за содѣянные преступленія, а у насъ и помышлять о нихъ грѣхъ; вы боитесь стороннихъ свидѣтелей, а мы даже одной своей совѣсти, безъ которой не можемъ быть. Наконецъ тюрьмы переполнены вашими, а христіанина тамъ нѣтъ ни одного, кромѣ судимаго за свою религію или же вѣроотступника.

XXXVI. Пусть никто не ищетъ въ судьбѣ утѣшенія или оправданія себѣ. Что бы ни дѣлала судьба, у чловѣка душа свободна и въ немъ судится его дѣйствіе, а не внѣшнее положеніе. И что иное судьба какъ не опредѣленіе Божіе о каждомъ изъ насъ? Богъ предвидитъ будущее и сообразно съ свойствами и заслугами каждаго изъ людей опредѣляетъ и судьбы ихъ. Такимъ образомъ Онъ наказываетъ не по такому, или другому рожденію, а по свойству нравственныхъ расположеній. Но довольно теперь говорить о судьбѣ; въ другое время мы займемся разсужденіемъ объ этомъ съ большею полнотою и подробностію. А что мы по большей члсти слышемъ бѣдными—это не позоръ для насъ, а слава, потому что душа какъ ослабляется отъ роскоши, такъ укрѣпляется отъ умѣренности. Да и какъ можетъ быть бѣденъ тотъ, кто не имѣетъ недостатка, не жаждетъ чужаго, кто богатъ въ Богѣ? Скорѣе бѣденъ тотъ, кто имѣя многое, домогается еще большаго. Я скажу, какъ думаю: никто не можетъ быть такъ бѣденъ, какъ онъ родился. Птицы живутъ безъ всякаго наслѣдства отъ родителей и каждый день доставляетъ имъ пищу; однако они сотворены для насъ. Мы владѣемъ всѣмъ, коль скоро ничего не желаемъ. Какъ путешественнику тѣмъ удобнѣе идти, чѣмъ меньше онъ имѣетъ съ собою груза, такъ точно на этомъ жизненномъ

пути блаженнѣе чловѣкъ, который облегчаетъ себя посредствомъ бѣдности и не задыхается отъ тяжести богатствъ. Если бы мы считали ихъ полезными, то просили бы ихъ у Бога, и Онъ безъ сомнѣнія могъ бы намъ дать сколько-нибудь, потому что все принадлежитъ Ему. Мы лучше хотимъ презирать богатство, нежели владѣть имъ; мы болѣе стремимся къ невинности сердца, болѣе желаемъ терпѣнія, болѣе стараемся быть добрыми, нежели расточительными. А что мы чувствуемъ недостатки тѣла, и терпимъ ихъ,—это не наказаніе, а принадлежность нашего воинствованія. Ибо мужество укрѣпляется немощами, и несчастіе бываетъ часто школою добродѣтели. Наконецъ силы душевныя и тѣлесныя расслабляются, если не упражняются въ подвигѣ; и всѣ ваши храбрые мужи, которыхъ вы ставите въ образецъ, претерпѣли много бѣдствій, прежде чѣмъ достигли славы. Посему не думайте, чтобы Богъ не былъ силенъ помочь намъ или оставилъ насъ, ибо Онъ управляетъ всѣмъ и любитъ Своихъ; но Онъ подвергаетъ каждаго несчастію для испытанія; Онъ смотритъ на его нравственное расположеніе въ опасностяхъ и слѣдитъ до послѣдняго вздоха за волею чловѣка, зная, что у Него ничто не можетъ погибнуть. Такимъ образомъ мы испытываемся несчастіями, какъ золото огнемъ.

XXXVII. Какое прекрасное зрѣлище для Бога, когда христіанинъ борется съ скорбью, когда онъ твердо стоитъ противъ угрозъ, пытокъ и казней, когда онъ смѣется надъ страхомъ смерти и не боится палача: когда онъ сохраняетъ свою свободу предъ царями и владыками и преклоняется только предъ Богомъ, Которому онъ принадлежитъ; когда онъ, какъ торжествующій побѣдитель, смѣт-

ся даже надъ тѣмъ, кто приговорилъ его къ казни! Ибо тотъ побѣдитель, кто достигъ чего домогался. Какой воинъ въ глазахъ полководца не будетъ смѣло идти на встрѣчу опасности? Никто не получаетъ награды, если не будетъ испытанъ и признанъ ея достойнымъ; и однако полководецъ не даетъ, чего не въ силахъ дать, — онъ не можетъ продлить его жизнь, а можетъ только воздать честь воинскому мужеству. Но воинъ Божій не оставленъ среди страданія, не гибнетъ среди смерти, и христіанинъ можетъ только казаться несчастнымъ, но не быть такимъ. Вы сами возносите до небесъ героевъ несчастія, напримеръ Муція Сцеволу, который, промахнувшись убить царя, непременно погибъ бы среди непріятелей, если бы не сжегъ на огнѣ правой руки. А сколько изъ нашихъ христіанъ претерпѣли безъ малѣйшаго стона сожженіе не руки только, но всего тѣла, между тѣмъ какъ, если бы захотѣли, могли бы избавиться отъ страданій? Я сопоставлю своихъ мушницъ съ Муціемъ, или Аквиліемъ, или Регуломъ; но у насъ не только мушницы, даже отроки и женщины наши, вооружившись терпѣніемъ въ страданіяхъ, презираютъ ваши кресты, пытки, звѣрей, и всѣ ужасы казней. И вы не понимаете несчастные, что никто не захотѣлъ бы безъ причины подвергать себя казни; никто не могъ бы безъ божественной помощи вынести такія мученія. Но можетъ быть васъ обольщаетъ то, что, и не зная Бога, многіе изобилуютъ богатствами, нользуются почестями, обладаютъ могуществомъ? Несчастные!! Они возвышаются для того, чтобы глубже пасть: это жертвы, которыя откармливаются для закланія, украшаются цвѣтами для умерщвленія. Нѣкоторые изъ васъ достигаютъ вершинъ власти и могущества для того только, чтобы злоупотреблять

данною имъ властію и удовлетворять своимъ прихотливымъ страстямъ. Да и можетъ ли быть счастье безъ знанія Бога, когда подобно сну, это счастье улетаетъ прежде чѣмъ его схватятъ. Царь ли ты? самъ столько же боишься, сколько тебя боятся, и хотя тебя окружаетъ большая свита,—ты одинокъ въ опасности. Богатъ ли ты? опасно полагаться на фортуны; большіе запасы для краткаго пути жизни составляютъ не подспорье, но тяжелое бремя. Ты хвалишься тѣмъ, что ходишь въ пурпуровой одеждѣ и предъ тобой носятъ пучки прутьевъ съ сѣкирою? Но нелѣпое заблужденіе, бессмысленное почитаніе своего достоинства—блистать багрянцею и быть грязнымъ душею. Ты славишься своею знатностію, хвалишься доблестями своихъ родителей? Но всѣ мы родимся равными, одна добродѣтель только отличаетъ насъ. Итакъ мы, которые цѣнимъ себя только по невинности и добрымъ нравамъ, справедливо гнушаемся худыхъ удовольствій, удаляемся отъ вашихъ торжествъ и зрѣлищъ: мы знаемъ ихъ суетверное происхожденіе и осуждаемъ ихъ гибельныя приманки. Кто не ужаснется, видя до какой степени доходить безумство народа на играхъ курульскихъ? Въ битвахъ гладіаторовъ не преподаются ли уроки челоуѣкоубійства? На театрахъ вашихъ такое же неистовство, такое же возмутительное безобразіе: то актеръ рассказываетъ или представляетъ любодѣнія, то комедіантъ представляя, постыдную любовь, возбуждаетъ ее и въ вашихъ сердцахъ. Тотъ же комедіантъ безславитъ вашихъ боговъ, изображая ихъ прелюбодѣнія, ихъ вздохи, ихъ вражды, или выражая своими минами и жестами печаль, вызываетъ у васъ слезы. Такимъ образомъ вы поощряете дѣйствительное убійство, на аре-

нѣ, а потомъ проливаете слезы при видѣ мнимаго убійства на театрѣ.

XXXVIII. Что касается до того, что мы не ѣдимъ жертвеннаго мяса и не вкушаемъ жертвеннаго вина, это не есть выраженіе нашего страха, а доказательство нашей свободы. Въ самомъ дѣлѣ, всякое произведеніе природы какъ ненарушимый даръ Божій, не оскверняется никакимъ употребленіемъ, но мы воздерживаемся отъ вашихъ жертвъ, чтобы кто не подумалъ, будто мы уступаемъ демонамъ, которымъ онѣ были принесены, или стыдимся нашей религіи. Кто можетъ подумать, что мы пренебрегаемъ цвѣтами, которыми даритъ насъ весна, когда мы срываемъ розы и лиліи и всѣ другіе цвѣты пріятнаго цвѣта и запаха? Ихъ мы раскидываемъ передъ собою для благоуханія, изъ нихъ сплетаемъ вѣнки себѣ на шею. А что мы не кладемъ этихъ вѣнковъ на свои головы, то извините насъ: мы имѣемъ обыкновеніе нюхать запахъ хорошихъ цвѣтовъ обоняніемъ, а не верхушкою головы и волосами. Мы не кладемъ вѣнковъ и на умершихъ; я даже весьма удивляюсь вамъ, зачѣмъ вы сожигаете умершаго, если онъ чувствуетъ; если же не чувствуетъ, зачѣмъ украшаете вѣнками. Цвѣты блаженному вовсе не нужны, а несчастному не доставятъ радости. Мы совершаемъ погребеніе съ тою простотою, какая видна и въ нашей жизни. Мы не кладемъ на покойника вѣнковъ, которые скоро увядаютъ, но надѣемся получить отъ самого Бога вѣнцы изъ цвѣтовъ неувядающихъ. Скромно, съ упованіемъ на милосердіе Божіе мы живемъ надеждою будущаго блаженства, по вѣрѣ въ величіе Божіе, открываемое въ настоящей жизни. Такимъ образомъ мы и воскреснемъ для блаженства и теперь живемъ счастливые созерцаніемъ бу-

дущаго. Пусть Сократъ, аѳинскій говорунъ, громко признается, что онъ ничего не знаетъ, хотя и хвалится внушеніемъ самого живаго демона; пусть Аркезилай, Карнеадъ, Пирронъ и все множество академиковъ предаются сомнѣнію; пусть Симонидъ все отсрочиваетъ время для рѣшенія даннаго ему вопроса. Мы презираемъ гордость философовъ, которые, какъ мы знаемъ, были люди развращенные, прелюбодѣи, таранны, которые такъ краснорѣчиво говорили противъ пороковъ, которыми сами были заражены. Мы представляемъ мудрость не во внѣшнемъ видѣ, а въ душѣ нашей; мы не говоримъ возвышенно, но живемъ такъ; мы хвалимся тѣмъ, что достигли того, чего тѣ философы со всѣмъ усиліемъ искали и не могли найти. Зачѣмъ намъ быть неблагодарными? Чего намъ желать болѣе, когда въ наше время открылось познаніе истиннаго Бога? Будемъ пользоваться нашимъ благомъ, будемъ держаться правила истины; да прекратится суевѣріе, да посрамится нечестіе, да торжествуетъ истинная религія!

XXXIX. Когда Октавій кончилъ свою рѣчь, мы съ Цециліемъ нѣсколько времени въ молчаливомъ удивленіи смотрѣли на него. Что касается собственно меня, то я былъ сильно изумленъ искусствомъ, съ какимъ онъ изложилъ доказательства, примѣры и свидѣтельства на истины, которые легче чувствовать, нежели высказывать,—отразилъ враговъ тѣми же стрѣлами философовъ, которыми они сами вооружаются, и представилъ истину не только удобопонятною, но и благопріятною.

XL. Въ то время какъ я въ молчаніи передумывалъ это съ самимъ собою, Цецилій воскликнулъ: я отъ всего сердца поздравляю Октавія, а также и себя самого, и не дожидаясь рѣшенія нашего судьи. Мы оба побѣдили; и я

по справедливости приписываю себѣ побѣду; ибо Октавій побѣдилъ меня, а я одержалъ побѣду надъ заблужденіемъ. Что касается до сущности вопроса, то я исповѣдую Провидѣніе, покоряюсь Богу и признаю чистоту религіознаго общества, которое отнынѣ будетъ и моимъ. Остается еще нѣсколько недоумѣній, не противорѣчащихъ истинѣ, но которыя нужно разъяснить для полнаго вразумленія моего. Но объ нихъ удобнѣе будетъ поговорить на свободѣ завтра, а теперь солнце уже склоняется на западъ.

XLІ. А я—сказалъ я въ свою очередь—даже болѣе всѣхъ васъ радуюсь тому, что Октавій одержалъ побѣду, потому что онъ избавилъ меня отъ непріятной необходимости произносить приговоръ. И я не въ силахъ воздать достойной хвалы его рѣчи. Свидѣтельство человѣка и притомъ одного человѣка недостаточно. Самая лучшая награда ему отъ Бога, который вдохновилъ его слово и даровалъ ему силу къ побѣдѣ.

Послѣ сего радостные и веселые мы отправились въ путь; Цецилій радовался тому, что увѣровалъ, Октавій—что разрушилъ его заблужденія; а я обращенію Цецилія и побѣдѣ Октавія.

К О Н Е Ц Ъ.